

Дмитрий Фаминский

Кладоискатели (сборник)

«Автор»

2012

Фаминский Д. Г.

Д. Г. Фаминский — «Автор», 2012

ISBN 978-5-85480-003-9

В основу книги положена приключенческая повесть «Кладоискатели». Молодые люди, наши современники, задумали найти сокровища, спрятанные во времена революции 1917 г. Историк Андрей Кораблёв, правнучка князя Бельского Серафима Стогова, её друг менеджер Костик отправляются в загородную усадьбу князя и ведут поиски. Находки, сделанные ими, кардинально меняют жизнь кладоискателей. Героев остальных одиннадцати повестей и рассказов, включённых в книгу, также можно назвать кладоискателями. Они ищут сокровища тленные и духовные, ищут в повседневной жизни и внутри себя, любят, болеют, страдают, преодолевают искушения и обретают истину. События происходят в период времени от дореволюционной России до наших дней.

ISBN 978-5-85480-003-9

© Фаминский Д. Г., 2012

© Автор, 2012

Дмитрий ФАМИНСКИЙ

КЛАДОИСКАТЕЛИ

Дмитрий Григорьевич Фаминский

Кладоискатели (сборник)

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6299793

Дмитрий Фаминский. Кладоискатели. Повести, рассказы: «Вертикаль. XXI век»; Нижний Новгород; 2012

ISBN 978-5-85480-003-9

Аннотация

В основу книги положена приключенческая повесть «Кладоискатели». Молодые люди, наши современники, задумали найти сокровища, спрятанные во времена революции 1917 г. Историк Андрей Кораблёв, правнучка князя Бельского Серафима Стогова, её друг менеджер Костик отправляются в загородную усадьбу князя и ведут поиски. Находки, сделанные ими, кардинально меняют жизнь кладоискателей.

Героев остальных одиннадцати повестей и рассказов, включённых в книгу, также можно назвать кладоискателями. Они ищут сокровища тленные и духовные, ищут в повседневной жизни и внутри себя, любят, болеют, страдают, преодолевают искушения и обретают истину. События происходят в период времени от дореволюционной России до наших дней.

Содержание

С верой и любовью	6
От автора	8
Повести	9
Кладоискатели	9
Часть 1	9
Часть 2	18
Часть 3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Дмитрий Фаминский

Кладоискатели (сборник)

С верой и любовью

Имя писателя Дмитрия Фаминского пока ещё мало кому известно из любителей и почитателей русской литературы. Хотя и совсем новичком на литературном поприще автора книги «Кладоискатели» назвать тоже нельзя. В биографии писателя, кроме выступлений в местной нижегородской печати, есть и заметные публикации в «толстых» литературных журналах «Смена» и «Вертикаль. XXI век», где увидели свет его первые повести. И всё-таки главное событие для писателя происходит именно сейчас – с выходом в свет этой книги. Потому что он впервые полноценно и глубоко может открыть свои взгляды перед широкой аудиторией читателей, может обратиться к ним со своим словом, со своим переживанием.

Дмитрий Фаминский по своему мировоззрению человек глубоко православный. Но тем и ценнее его проза, что это своё духовное состояние он передаёт героям произведений не навязчиво, без всякой излишней риторики, а органично, естественно, используя лишь художественные приёмы. Именно так происходит духовное взросление героев повести «Кладоискатели» Андрея Кораблёва, Костика, Симы. Вообще в этом произведении произошло смешении сразу нескольких литературных жанров – исторического повествования, приключенческой повести, мелодрамы. Приём не раз использовавшийся в русской литературе, и далеко не всегда подобный эксперимент приводил к желаемому результату. В случае с Фаминским произошло радостное исключение. В «Кладоискателях» историческая линия жизни рода князя Фёдора Петровича Бельского с супругой Елизаветой Андреевной и детьми (выписана очень зримо, художественно, правдиво) тесно завязывается сначала с научно-кладоискательской линией поиска материальных сокровищ, которые могли остаться от князя, а затем и с любовной линией наших героев. Заканчивается повесть, как это бы и должно всегда происходить в нашей жизни, обретением истинных сокровищ, так необходимых каждому человеку – веры, любви близких, созданием семей и рождением детей. В конце повести автор устраивает встречу героев своего произведения с заграничными потомками погибшего «в революционной пучине» князя. Выписана эта встреча деликатно, правдиво и оставляет в душе читающего очень светлый, обнадеживающий след.

Я подробнее остановился на «Кладоискателях» потому, что эта повесть дала название всей книге. Но это вовсе не значит, что другие произведения, помещённые под этой же обложкой, уступают ей в художественности и занимательности. Повесть «Иерей Владимир» написана более концентрированно. Она посвящена судьбе сельского священника, который вместе со страной прошёл все испытания первой половины XX века. Являясь представителем старинного священнического рода Ивлиевых, Владимир пошёл по стопам своих предков из послушания отцу. Старшие братья отказались стать священниками и предпочли получить светское университетское образование. Во время революции они оказались за границей. Владимир же вместе со своим народом вынес все страдания, пережил все лишения и невзгоды, несправедливости и тюрьмы. В конце жизни он всё-таки встретился со своими братьями, и на их сочувственный вопрос: «Мы ведь знаем, что ты тогда отца уважил, когда в священники идти согласился. Тяжко, наверное, пришлось? За нас ведь отдувался, мы то традицию нарушили» ответил просто и искренне, как человек, глубоко осознавший значение своего служения:

– Я полюбил своё служение, нашёл в нём смысл. Хотя, конечно, поначалу сомнения и сожаления были. А потом, чем дальше жил, тем больше радовался, что послушался отца.

Да, нет случайностей в нашей жизни. Благодаря таким священникам каждый раз в годы смуты и выстаивает, а затем возрождается Россия.

Я не стану пересказывать сюжеты других повестей и рассказов Дмитрия Фаминского. Думаю, заинтересованный читатель уже догадался какого качества и какой проблематики произведения поместил автор в свою книгу. Только добавлю, что с такой искренней христианской любовью в сердце, с такой преданностью Православной вере пишутся у нас произведения не так часто. Потому я от всей души одинаково поздравляю с выходом в свет этой книги как её автора, так и вас, дорогие читатели.

Валерий СДОБНЯКОВ,

председатель Нижегородской организации Союза писателей России,
главный редактор журнала «Вертикаль. XXI век»

3 октября 2012 года

От автора

Здравствуйте, дорогие братья и сестры!

Это моя первая книга. В ней я собрал наиболее законченные повести и рассказы, написанные в разное время, но, как мне представляется, имеющие общую связующую нить.

У меня часто вставал вопрос: «Следует ли вообще заниматься литературным творчеством? И если следует, то зачем?». Первая часть вопроса отпала сама собой, потому что, пока я себя спрашивал об этом, то всё равно писал. Написанное не вычеркнешь, не отбросишь, но можно исправить ошибки, переработать. А вот «зачем?» – вопрос более сложный. К настоящему времени людьми написано столько, что перечитать всё обычному человеку вряд ли под силу. Стоит ли увеличивать число книг? Фундамент образования православного человека составляет главная книга Библии – Новый Завет. Плоды трудов и духовного опыта подвижников Нового Завета, святоотеческое наследие, помогает нам понять Закон Божий, применить его к своей жизни, открывает глубины духовной жизни человека. Всей человеческой жизни не хватит, чтоб охватить и изучить это наследие. Мирские наука, искусство – прилагательные, полагаю, более низкого уровня, производные. Но и на этом уровне, думаю, человек может соприкоснуться с Богом, приблизиться к пониманию смысла жизни, сорадоваться Истине! Не сделать бы греха. Сам процесс создания повести, рассказа, стиха при верном умонастроении, без гордости, самолюбования – радость, признание в любви, описание Божьего мира, беседа, постижение... можно долго перечислять! Предмет литературы, как мне представляется, составляет больше душевная жизнь человека, это проявляется в создании образа героя, описании его характера. Может быть, хорошей литературе отчасти подвластно и духовное, как высшее проявление душевного. А как интересно и полезно описание быта и языка предшествующих поколений, содержащееся в нашей классике! Может быть, здесь ответ на вопрос «зачем?».

Да и стоит ли всегда разбирать предмет литературного творчества до мельчайших составляющих, пытаться непременно дать чёткое определение? Есть место тайне, сокровенному. И для писателя, и для читателя. Когда я думаю об этом, то вспоминаю простые мирные сюжеты: лопочущий что-то, улыбающийся младенец, доброе крестьянское хозяйство, беседа в кругу родных, рыбаки у костра. Просто, без претензий, на родном языке рассказывают друг другу истории попутчики, иногда пересказывающие за длинную дорогу почти всю свою жизнь, или давно не видевшиеся друзья, находящие в общих воспоминаниях интерес и смысл. Родной язык, который нужно сохранять, также смысл литературы!

Дорогие братья и сестры, я прошу прощение у Бога и у всех вас, если мои произведения кого-то обидели, вовлекли в соблазн. Не хочу обидеть и верующих иных религий, ведь каждый сам решает, с каких позиций он смотрит на мир.

Благодарю протоиерея Сергея Матвеева, ключаря Собора святого Александра Невского, своих родителей Григория Александровича и Ларису Алексеевну Фаминских, дочь Анастасию, председателя нижегородской организации Союза писателей России Валерия Викторовича Сдобнякова, исследователей нижегородских священнических родов Маргариту Васильевну Циркулёву и Евгению Анатольевну Винокурову, свою бывшую супругу Наталию Евгеньевну (в девичестве Строганову), тележурналиста Ерёмину Валентину Романовну, свою тётушку Фотинию Алексеевну Иванову и остальных членов нашей семьи, и многих других за благословение, руководство, советы, помощь, назидание и поддержку.

Дорогие братья и сестры, здоровья вам, мира и радости! Храни Господь!

Д. Фаминский, август 2012 г.

Повести

Кладоискатели

Часть 1

Князь Фёдор Петрович Бельский, тридцати лет, сидел в своём кабинете в загородной усадьбе «Чистые пруды» и читал Н-ские ведомости. В окно сквозь яблоневые ветки пробился солнечный лучик, в комнату вошла его двадцатипятилетняя супруга Елизавета Андреевна, урожденная Стрешнева. Она подошла к князю. Тот, отложив скучноватую газету, обнял её за округлившийся живот. Они ждали второго ребёнка. Елизавета почему-то была уверена, что это будет дочка. Первенец, Васенька, уже начал ходить. Ему шёл второй год.

– Как хорошо, что мы сюда переехали на лето! Мне здесь лучше! И ноги не отекают. – Лиза была голубоглазая и немного веснучатая, чего всегда стеснялась.

– Может, хочешь на осень остаться? Сентябрь здесь бывает особенно чудный!

– Посмотрим. Я к октябрю уже родить должна.

– Солнышко ты моё, – он взял её тонкие пальчики в свою широкую ладонь и поцеловал.

– Снова свои опыты ставил? – Лиза погладила князя по тёмным густым волосам и заглянула в глаза.

– С чего это ты взяла?

– Да руки все у тебя в химреактивах, и рукав сюртука прожжён.

– А я то и не заметил! Ну, ничего, Лизонька. Он старый. У меня ещё сюртук есть.

– Ты хоть бы в одной какой одежде со своими кислотами возился! – ласково сказала она. – Ну да ладно. Там свежую рыбу привезли, и какой-то мальчуган говорит, что ты велел ему непременно тебя позвать!

– Точно! Точно! Это Ванюшка, плотника Бориса сын.

– Что же за особенное такое дело у Вас? – накрутив на палец светло-русый локон, с улыбкой спросила Елизавета.

– Пойдём, сама увидишь! – князь легко поднялся. Был он высок, не сутулился, носил короткую бородку и любил курить трубку.

– Пойдём! – поспешила за ним княгиня, но чуть не упала, споткнувшись о ковёр.

– Осторожнее, Лизонька, – успел поймать её князь. Он крепко взял жену под руку.

Князь и княгиня вышли на задний двор и увидели, что рядом с входом на кухню стоит телега, запряжённая толстой рыжей кобылой. Их повариха, Груша, принимала рыбу, пойманную в местной реке Белой. Около телеги стоял и торговался с поварихой рыбак Данила. Был он мужичок лет пятидесяти, сухонький, дочерна загорелый лицом и руками, с неизменной самокруткой, торчащей изо рта. Груша же была дородна, румяна и бойка на слово. Рядом с ними вертелся мальчишка лет десяти, босой, в заплатанных штанах и в вылинявшей рубашке.

– Фёдор Петрович, Фёдор Петрович! – завидев князя, кинулся к нему мальчишка.

– Здравствуй, Ванюша! – улыбнулся князь.

– Вот, как и обещал, словил! – Иван держал в руках большого сома, который ещё был живым и извивался мощным, скользким телом.

– Как это ты его ухитрился поймать? – спросила княгиня, с интересом разглядывая рыбину и одновременно следя, чтобы на новое платье ненароком не попали брызги.

– Да на «квок», – смущаясь, объяснил мальчик.

Данила, видя, что господа не вполне понимают, что такое «квок», но разговор с мальчиком им интересен, подошёл, поклонился и объяснил.

– Это, ваше сиятельство, когда лягушку в качестве приманки на крючок сажаешь, а по воде специальной палкой с выдолбленной на конце лопаточкой бьёшь. Получаются звуки такие «квок, квок».

– И что, сом на это ловится?

– Ловится, шельма! – довольно улыбнулся рыбак.

– Ну, молодец, Иван! Покупаю твоего сома, – и князь полез уже в карман за мелочью, чтобы вознаградить мальчика, но тот, украдкой утерев нос, неожиданно попросил.

– Ваше сиятельство, Фёдор Петрович, не надо мне денег, можно я взамен на ваши доспехи посмотрю?

– Ну, что ж, – недолго думая и пряча в усах улыбку, ответил князь, – изволь!

И к удивлению Груши и опешившего от смелости мальчика Данилы, он пригласил Ивана в дом. У князя, действительно, были древнерусские доспехи, доставшиеся ему от далёких предков. Фёдор Петрович сам вырезал из дерева фигуры людей в натуральную величину и облачил их в эти реликвии. Всего получилось два воина. Каждый деревенский мальчишка знал об этих замечательных доспехах и мечтал их посмотреть.

– Смелее, смелее, Ваня! – приободрила его княгиня, когда растерявшийся мальчик ступил босыми ногами на чистый паркетный пол гостиной, где и стояли воины.

– Напачкаю, – уставившись в пол, сказал он.

– Ничего, есть, кому подтереть, проходи!

– Ух, ты, – он замер перед доспехами, забыв о присутствующих. Иван обошёл воинов кругом, осторожно провёл пальцем по щиту, по кольчуге, тронул рукоятку меча.

– Это рыцарские? – спросил он у князя.

– Нет, это древнерусских витязей. У нас рыцарей не было.

– А кто сильнее, рыцари или витязи?

– Били русские войска рыцарей, Ванюша, почти всегда их побеждали. Вот был такой великий святой князь Александр Невский, он на Чудском озере войско рыцарей немецких полностью разбил, хотя они численностью сильно его дружину превосходили. А он их несокрушимой своей верой православной победил. И доблестью, конечно!

– Как это верой? – мальчик посмотрел на князя своими ясными, умными глазами.

– Князь Александр много молился перед битвой в Великом Новгороде в Софийском соборе, и Бог ему помог, потому что он свою Родину защищал, за правое дело воевал.

– Фёдор Петрович, а это чьи доспехи? Где вы их взяли?

– От предков достались!

– Значит, ваши предки тоже сражались с рыцарями вместе с князем Александром?

– Сражались.

– И с войны их принесли?

– Да.

– Ух, ты! А можно я ещё потрогаю?

– Потрогай. – Князь с княгиней весело переглянулись.

– Ты вот что, дружок, приходи-ка к нам почаще. Мы тебя читать и писать научим. Хочешь грамоте выучиться?

– Да, хочу!

– Ну, вот и договорились! А деньги за сома возьми, матушке отдашь.

– Благодарствуйте, ваше сиятельство! Я вам самого большого сома в Белой словлю! Благодарствуйте!

* * *

– Меняй тему! Хватит русскими барами заниматься. Сейчас другое в фаворе. – Категорично и спокойно, с полной уверенностью в своей правоте промолвил профессор Бузынин.

– А что другое, Виктор Алексеевич? – спросил аспирант Андрей Кораблёв.

– Бери политологию, не промахнёшься!

– Но у меня наполовину готова работа по дворянству нашей губернии...

– Забудь, – оборвал профессор. – Есть у меня интересные наработки по материалам прошедших выборов, их только обработать надо, проанализировать и обобщить. Ты сможешь.

– Хорошо, я подумаю.

– Подумай! Только хорошо подумай! У тебя не получается защититься уже четвёртый год.

Бузынин закинул ногу на ногу, отчего получилось, что коленкой он подпёр брюшко и одновременно продемонстрировал дорожную туфлю-мокасину, открывшуюся из-под задранной штанины.

С руководителем Андрей расстался сухо. Он вышел из университета, закурил. Вечер был тёплым, весенним. «Сейчас бы на море махнуть, или в Прагу» – вновь вспомнил Андрей о своей давней мечте. Но куда там. Ни денег, ни настроения. Рассчитывал поскорее разделиться с диссертацией, а тут «меняй тему». Что-то не складывается у него ничего в жизни.

По освещённой университетской аллее Кораблёв неторопливо побрёл к остановке.

На следующий день Андрей направился в областной архив. Профессор дал неделю на размышление, при этом намекнул, что если аспирант к его мнению не прислушается, то тогда придётся менять научного руководителя. А это плохо, ведь Бузынин – имя в науке. Но и бросать начатое Андрею не хотелось. Конечно, скучноватые они, уездные дворяне, но он уж к ним привык. Да и проследить перипетии их жизни интереснее, чем разбираться в политических технологиях.

Андрей взял у архивариуса заказанные накануне изрядно потрёпанные, пахнущие слежавшейся пылью тома церковных книг и жёлтые от времени подшивки документов с родовыми гербами и затейливыми фамильными вензелями. Этих документов остались буквально крупички. Разрозненные, без логической связи друг с другом, чудом уцелевшие во время революции и двух войн, листы документов хранили в себе тайны многих ушедших поколений. Готовые от ветхости рассыпаться, они ещё способны были донести до потомков информацию о временах, когда по русским дорогам ездили в каретах и на телегах, говорили, обращаясь друг к другу, «милостивый государь» и «покорнейше прошу», целовали дамам ручку, спешили в церковь на обедню и женились с благословения родителей.

Углубившись в работу, Андрей просидел над документами часа два, делая пометки в блокноте и вдыхая специфический архивный запах. То ли это мелкая бумажная пыль создавала его, то ли дух от давно неремонтированных стен с потёками и плесенью впитался в бумагу, а может быть, и то и другое вместе. Но и к запаху он тоже привык. Наконец, Кораблёв откинулся на спинку стула, потянулся до лёгкого головокружения, и привычным жестом поправил на переносице очки.

Кораблёв вышел покурить. Он стоял на продуваемой сквозняком лестнице, смотрел на свои поношенные ботинки, на кончик сигареты и думал о том, что, наверное, ему придётся всю свою жизнь провести в этом, или ему подобном архиве. И это ещё в том случае, если зарплата научного работника позволит хоть как-то сводить концы с концами. Не такая уж радостная перспектива на будущее. И тут он подумал о Кате. Вспомнил её тёмные, прямые

и мягкие волосы до плеч, карие глаза, и платье, в котором она была в последний их вечер вместе. Катя сейчас в США, недавно родила сына, о чём написала ему в коротеньком письме.

Домой Андрей вернулся позже обычного, часов в восемь вечера. После архива он долго бродил по улицам, обдумывая неожиданную находку, случившуюся с ним сегодня. Его матушка, Лидия Ивановна, поджидала сына с ужином. Ей было пятьдесят пять лет, но на пенсию она уходить не спешила, нравилось работать со студентами. Если бы не недавняя неожиданная смерть мужа, отца Андрея, то её можно было бы назвать вполне счастливой женщиной. Лицо миловидное, интеллигентное и приветливое. И хотя волосы изрядно тронула седина, но у Лидии Ивановны сохранились, слава Богу, и силы, и энергия, сочетавшиеся с миролюбивым характером и чрезвычайной любовью к детям. Она обожала своего сына и ждала, что вскоре он родит ей внуков.

Кораблёв поел и прошёл в свою комнату, где с удовольствием растянулся на диване. Сегодня в архиве он нашёл письмо некоей княгини Бельской в Париж к подруге. Это была новая дворянская фамилия, которая до сегодняшнего дня в архивных документах ему не встречалась. Да и сам по себе факт находки письма, сохранившегося с 1918 года, был большой удачей. Тем более княгини, да ещё за границу. Андрей развернул лист бумаги, на который почти полностью перенёс текст письма, и перечитал его:

«Здравствуй, милая Натали!

Пишу тебе со слезами на глазах. Ах, знала бы ты, как была права тогда, при нашей последней встрече! Предлагала уехать вместе, а я тебя не послушала. Теперь жалею об этом, плачу каждый день! Жизнь в России стала ужасная! Мы обманулись в своих ожиданиях. Кому поверили?! Саша и Вера без конца болеют. Не могу достать им даже молока и сахара. О лекарствах и не говорю. Фёдор держится, виду не показывает, но я то знаю, какое у него настроение. На улицах ужасная грязь, матерная брань. Появляться в городе страшно! В нашем доме, представляешь, устроили совет каких-то там депутатов. Месяц назад нас вообще выселили в загородное имение. Да и то, поселили не в наших комнатах, а в доме прислуги. Дали комнаты, где раньше жили кухарка и дворник. Имуущество и фамильные драгоценности отобрали. Пока мы оставались в городе, Фёдор хоть работал в школе, учил детей. За это давали паёк. Что будет теперь – ума не приложу. Страшно даже подумать! Прошу тебя, Натали, милая, помоги нам выбраться отсюда! Я знаю, у тебя есть нужные связи. Извини, что, может быть, утруждаю тебя, но больше мне не на кого надеяться! Если понадобятся средства, постараемся их достать.

Целую тебя, подруга! Привет Сержу и всем вашим!

Твоя Лиза».

Андрей выключил свет, включил музыку. Это была его любимая «Лунная соната» Бетховена. Слов нет, а информацию несут звуки. Перед глазами всплыли строчки письма княгини, написанные ровным гимназическим почерком. Наверное, она плакала, когда писала. Мысль зацепилась за обещание княгини не постоять за благодарностью, только бы выбраться из этого кошмара! Андрей неплохо знал французский, и всё перевёл правильно. Ошибки быть не должно. Но откуда деньги у бывшей княгини, имение которой отобрали, мебель раздали по советским учреждениям, а бриллианты пустили на нужды диктатуры пролетариата?!

* * *

Остаток недели ушёл на то, чтобы попытаться собрать информацию о князьях Бельских. Андрей воспользовался интернетом, опросил почтенных педагогов, покопался в картотеке университетской библиотеки. Оказалось, что это известный дворянский род. До недавнего времени был цел княжеский дом в их городе, но лет пять назад его снесли ввиду крайней

ветхости. Теперь на этом месте выстроен каменный, стилизованный под старый особняк. В нём среди прочих офисов, находится туристическое бюро «Вектор», уже пять лет организующее экскурсии в загородную усадьбу князей Бельских.

Кораблёв, не мешкая, позвонил в турагентство.

– В каком состоянии дом в усадьбе?! Сохранилось ли что-то от господ? – поинтересовался Андрей.

– Дом отреставрирован. Сохранились мебель, книги, – немного помедлив, ответил голос в трубке.

– Когда экскурсия?

– Каждую субботу. В восемь часов утра автобус отправляется с автостанции на площади Вернадского. Путь не близкий, зато природа какая, не пожалеете! И ресторанчик с русской кухней!

В субботу Кораблёв был приглашён в гости к своему приятелю Виталику Шинину – пообщаться и весело провести время.

Шина, как называли его близкие знакомые, был однокашником Кораблёва, удачливым дельцом по части купи-продай и очень общительным парнем. Когда они вошли в залу и сели за стол, Шина познакомил Андрея со своей новой подружкой Викой, миниатюрной милотливой блондинкой, кудрявой, как барашек. Она примостилась рядом с Шиной на диване и спрятала курносый носик в высоком воротнике свитера. Напротив сидел в кресле Гриша Полуэктов, ещё один их приятель. Он работал в ФСБ, носил костюм с галстуком, общался подчёркнуто вежливо.

– А мы тебя ждали! – налил по первой Шина.

– Андрею Павловичу моё почтение! – Гриша сделал жест рюмкой в сторону Кораблёва.

– Сейчас девчонки подойдут! – заговорщицки подмигнул Шина.

В подтверждение его слов раздался звонок в прихожей. Шина пошёл открывать дверь. Как выяснилось, это были Викины подружки Маша и Света. Шина представил им своих друзей. Маша была высокой, стройной шатенкой, а Света пониже ростом и одета во всё кожаное.

Шина много пил и не пьянел, он рассказывал, как начинал свой бизнес, как решал проблемы с братками, пока не задружился с ними и с властью предержащими, и теперь они одна команда. Гриша мило беседовал со Светой, щёчки которой порозовели, глаза блестели, а во время приступов смеха она запрокидывала голову назад и потом, как бы ненароком, склоняла её к Гришиному плечу.

К концу веселья Андрей оказался на диване, тупо смотрящим на недопитый и недоеденный, утыканный окурками стол. Рядом с ним скучала Маша, молча курившая и перелистывающая пультom телевизионные каналы. Остальные разошлись по комнатам большой шининой квартиры.

На следующее утро Григорий развёз девушек по домам и заодно отвёз Кораблёва.

– Слушай, Гриш, окажи услугу! Мне нужны данные на потомков одного князя. Его расстреляли в 1921 году твои коллеги за контрреволюционную деятельность. У вас, наверняка, дельце сохранилось.

– Ну да, как же! Сожгли, скорее всего... А тебе зачем?

– Для диссертации. Профессор наседает, а материалов пока мало.

– Как зовут князя?

– Бельский Фёдор Петрович, 1870 года рождения.

Следующую неделю Андрей безвылазно провёл в архиве. Неприятного разговора с научным руководителем пока удалось избежать, так как тот уехал в срочную командировку. А значит, у Кораблёва появилась возможность оттянуть решение вопроса на несколько дней.

В субботу, надеясь, что это позволит ему принять окончательное решение, он поехал на экскурсию. Желающих осмотреть музей-усадьбу князей Бельских оказалось немного. Основное число экскурсантов составляли пенсионеры с внуками. Присутствовала, правда, парочка влюблённых студентов, которым, наверное, было всё равно куда ехать, лишь бы вместе. Через два часа пути свернули с основного шоссе на узкую асфальтовую дорогу. Ещё через час миновали вывеску «Чистые пруды». Пока ехали по селу, Андрей действительно увидел водоём, заросший камышом и осокой. Проехав с десятков деревенских изб, автобус остановился на неожиданно широкой асфальтированной площади. Сопровождающая попросила туристов выйти.

Усадьба была обнесена деревянным свежеекрашенным забором. Напротив через площадь располагалось здание советской архитектурной школы годов эдак шестидесятых с гербом на фронте. Наверное, сельсовет, или как принято сейчас называть, сельская администрация. Площадь окружали несколько кирпичных двухэтажных жилых строений с магазинами в первом этаже, советской же постройки. К забору усадьбы присоседилась деревянная избушка с дымящимся мангалом и самоваром. Перед избушкой несколько пластмассовых столиков и стульчиков. «Наверное, это и есть ресторан русской кухни» – подумал Кораблёв. Напротив жилых домов через площадь стояло двухэтажное здание ещё дореволюционных времён с крепкой кованой дверью в первом этаже. Раньше, скорее всего, дом принадлежал купцу, совмещая в себе и жилище, и лавку, и склад. Посреди площади возвышался памятник Ленину. Последние два атрибута присутствовали во всех вариантах планировки сёл, куда доводилось приезжать Кораблеву по исследовательским делам. Памятник Ленину мог быть заменён обелиском неизвестному солдату с перечислением имён погибших односельчан. Но вот дом-амбар, крепкий как сундук, присутствовал во всех без исключения крупных сёлах и провинциальных городах.

Андрей вошёл в усадьбу вместе с группой, и огляделся по сторонам. Как уверял экскурсовод, расположение построек и их форма остались прежними. Современные строения были выполнены из дерева на фундаменте старых домов по сохранившимся эскизам. В некоторых случаях пришлось заменить только несколько брёвен. Экскурсанты обошли территорию парка, многие деревья в котором помнили прежних хозяев, осмотрели господский дом, помещения для прислуги и хозяйственных работ, псарню, конюшню. «Довольно большая усадьба», – отметил про себя Кораблёв, мысленно рисуя её план. На этот план он нанёс также три беседки, пруд, фонтан, семь клумб и дюжину скамеек. Всё это, как и забор, было свежеекрашенным, и поэтому казалось, что дух прежних времён давно и безвозвратно выветрился, вымылся дождями из окружающего пейзажа, и осталась лишь эта осовремененная безжизненная оболочка.

Но Кораблёв представил, как когда-то по парковой дорожке катилась господская коляска, и прислуга почтительно склонялась перед ней, а конюх спешил быстрее взять лошадей под уздцы. И барыня, наверное, молодая и красивая, в кружевном платье, чуть подобрав подол, шла к дому, оперевшись о руку своего мужа. И их дети, одетые как маленькие господа, весело шли рядом. А где-то чуть поодаль звонил колокол, возвещающий об окончании воскресной службы. И прислуга, любящая своих господ, с радостью служила им.

В доме туристов встретил маленький человечек, одетый чисто и старомодно. Он искренне обрадовался посетителям, а его прозрачные глазки даже заслезились от проявления чувств. «Наверное, гости в этой усадьбе явление редкое» – мелькнуло в голове Андрея.

Внутри также всё было недавно покрашено и полачено. Комнаты по проходу, чтобы посетители не трогали мебель, огорожены красными парчовыми лентами, заканчивающимися кистями с бахромой. На стенах висели портреты хозяев, начиная от далёких предков. Ожидания Кораблёва оправдались. Князь оказался благороден лицом, княгиня красива, а дети милы и улыбки. Как и в любом музее вдоль стен пустующих комнат, на которые не

хватило подлинной старинной мебели, стояли стенды с вещами и документами. В большинстве своём они собраны краеведами со всей округи и демонстрировали быт прошлых времён, оставшийся запечатлённым на фотографиях, макетах домов и усадеб. Было несколько предметов крестьянского и барского гардероба, с десятков засаленных книг. Некоторые вещи, что было отмечено отдельными табличками, принадлежали самим хозяевам. Вот исчерканная карандашами детская книжка. Рядом записи князя, предметы рукоделия княгини. На отдельной экспозиции фотографии из семейного альбома.

Кораблёв вышел из дома и прошёл к небольшому фонтанчику напротив парадного крыльца. На одной из скамеек сидел встречавший их мужчина. На бэйдже, приколотом к его пиджаку, написано: «Директор музея Бенеславский Анисий Самюэлевич». Андрей присел рядом.

– Чудесная у вас усадьба! – решил завязать разговор Кораблёв.

– Это не у меня, это у государства! – ответил, пряча довольную улыбку, директор. – Я лишь смотритель. Но вся моя жизнь здесь прошла.

– Я историк, занимаюсь изучением дворянства нашей губернии.

– Правда?! И нашим князем занимаетесь?! – оживился смотритель.

– Начинаю собирать материалы.

– Замечательный человек был! Бога боялся, крестьян своих не обижал, науками занимался. Его ещё мой дед помнил. – Глаза собеседника так и светились неподдельным интересом и радостью.

– Кроме экспозиций, ещё какие-нибудь материалы имеются? – осторожно поинтересовался Кораблёв.

– Есть кой-чего. Письма, личные записи. Но немного.

– Дадите посмотреть?

– Только при мне. В город не дам.

– Так я приеду как-нибудь?

– Приезжайте, приезжайте! Только позвоните предварительно. Вот мой телефон. – И смотритель протянул ему самодельную визитку.

– И вот ещё что, молодой человек, есть у меня к вам просьба! Это, наверное, и вам по работе будет интересно. Сохранились у меня адреса некоторых потомков князя. Попробуйте их разыскать!

Пока группа обследовала парк, а потом перекусывала у пруда взятыми из дому припасами, почему-то проигнорировав местный ресторан, Кораблёв переписал имена и адреса родственников бывших владельцев усадьбы, записанные бисерным почерком смотрителя.

* * *

На следующий день Андрей имел неприятный разговор с профессором Бузыниным. Закончился он тем, что не пожелавшему сменить тему диссертации Кораблёву придётся искать нового научного руководителя. Но это не очень огорчило Андрея. Руководителя он найдёт. А тема его архивных поисков казалась теперь интересной не только в научном, но, может быть, и в материальном плане. Эта мысль всё более овладевала его сознанием. «А вдруг князь не всё отдал советам, а кое-что спрятал в надёжном месте? Так почему бы не сочетать научный поиск с поиском сокровищ?! А там мы посмотрим, у кого тема несовременная!» – подвёл он мысленно итог разговора с профессором. Повеселев, Кораблёв поехал на встречу с Гришей, и тот рассказал ему, что никакого дела Бельского он, конечно, не нашёл. Зато услышал от шефа упрёки за проявление интереса, прямо к участку его работы не относящегося. Помочь найти телефоны и уточнить адреса потомков князя Гриша всё-таки пообещал.

щал. Как же другу не помочь?! Однако, немного помявшись, попросил не говорить его жене, которую Андрей прекрасно знал, о той вечеринке у Шины. Кораблёв молча кивнул.

Через несколько дней Гриша вернул Андрею список, местами уточнённый и дополненный. У нескольких человек отличались даты рождения, у многих изменились адреса, но всё это были люди, действительно жившие и ещё живущие в их городе.

Кораблёв решил начать с внучки князя, Бельской Елены Васильевны. Он легко нашёл стандартную панельную пятиэтажку. В квартиру его пустили без лишних вопросов. Андрей догадался, что попал в дом тяжело больного человека, о чём свидетельствовал сильный запах лекарств и спёртый воздух. Оказалось, что Елена Васильевна несколько лет не встаёт с постели. О ней заботилась сиделка, которая, при появлении молодого человека, охотно позволила побеседовать с больной, а сама отправилась на кухню выпить чаю.

Кораблёв начал было подробно говорить о своих исследованиях, но Елена Васильевна почти ничего не слышала. Тогда Андрей написал ей на бумаге те вопросы, что хотел задать. Старушка долго всматривалась в буквы, а потом неожиданно громким голосом сообщила, что даже и не слышала о своём происхождении. Родителей она не знала, фамилию ей дали в детдоме. Когда выросла и вышла замуж, её разыскал один человек и пытался с ней поговорить о том же, что и Кораблёв, но они с мужем ничего сообщить не смогли. Даже фотографию на старинном картоне, которую он хотел им оставить, и ту не взяли – испугались КГБ. Но это было один лишь раз, и почти стёрлось у неё из памяти. Как попала в детдом, Елена Васильевна не знала, детей у неё не было.

По другому адресу Кораблёв столкнулся с господами, которые без бутылки его слушать не стали. Пришлось бежать в соседний магазин, покупать водку и консервы. Капитонов Денис Витальевич, хозяин запущенной до крайности хрущёвки, помнил, что происходит, как он выразился, «из графьёв». Только фамилию немного спутал: «Беленские, мол, мы». Доводился он убиенному князю, как следовало из записей смотрителя, внучатым племянником. Капитонов пил, плакал и рассказывал Кораблёву и сидящим на полу его квартиры на груде тряпья бородатому господину и несколько всклокоченной госпоже, что был у него и комод, доставшийся от предка, и фотографии, и набор серебряных ложек, да продал он всё это. Особенно он жалел комод, в ножке которого, по семейному преданию, были спрятаны золотые червонцы. Денису Витальевичу было под пятьдесят, сухощавого телосложения, высокого роста. Кисти рук, которыми он иногда жестикулировал, имели длинные, ровные пальцы. Кораблёв слышал, что такие руки иногда называют музыкальными.

Следующий родственник, по линии матери князя, и вовсе «седьмая вода на киселе», оказался современным хватким мужчиной и больше информации старался вытянуть из Кораблёва, нежели сообщал сам. Был он невысокий, пухленький, лет тридцать пять. Очки с затемнёнными стёклами скрывали глаза. Реденькая шевелюра и чуть обозначенная бородка. Эдуард Колчинский, так его звали, сразу смекнул, что дело не только в истории, и напрямую сказал Андрею, что нашёл городской дом предка, знает и о загородном имении, но отсудить их ему не удалось. Никаких писем-бумажек он не имеет, а если бы имел, то за умеренную плату оказал бы содействие современной исторической науке.

Потом Кораблёв встретился с молодоженами Герой и Машей. Они только что отремонтировали квартиру, доставшуюся им в наследство от бабушки Маши, Тамары Осиповны, родственницы по линии Стрешневых. Умерла она два месяца назад. Рыженькая Маша с удовольствием рассказала Андрею, что от бабушки осталось несколько семейных фотографий, да старая записная книжка, по которой она всё кому-то звонила. И про усадьбу они знают, потому что возили туда бабушку. Молодожёны просто лучились счастьем и пообещали показать фотографии и записную книжку, когда разберут все коробки после переезда.

Надежды найти хоть какую-нибудь зацепку таяли. Кораблёв потратил почти месяц на визиты по адресам, но ничего не добился. Чаще всего он сталкивался с людьми, которые

ничего не знали о своих предках, а одинаковую с князем фамилию объясняли простым совпадением. И разбираться с этим дальше им было совсем не интересно. Некоторые ничего конкретного рассказать не могли, но обещали поспрашивать родственников, и если что-то вспомнят или найдут, позвонить. Кто-то проявил живой интерес, но думал, что это Кораблёв сейчас засыплет их интересными фактами и подарит готовое родословное дерево.

Из данных смотрителем адресов остался неотработанным один. Там жила правнучка князя, некая Серафима Стогова, – второй прямой потомок, которого почему-то никогда не было дома.

Но на следующий день, наконец, удалось дозвониться до неё по телефону и даже договориться о встрече. Серафима была внучкой пять лет назад усопшей Анастасии Фёдоровны Стоговой, дочери князя.

Кораблёв подошел к четырехэтажному жёлтому дому сталинской постройки, поднялся по широкой лестнице на третий этаж, позвонил. Дверь открыла тёмноволосая девушка, в грязноватой майке, обмохрившихся джинсах и пляжных тапочках. Она жевала резинку и молча смотрела на Кораблёва. Вот тебе и княжна!

– Я звонил, моя фамилия – Кораблёв.

– Проходите.

Девушка провела его в комнату, указала на кресло и сама села в такое же, стоящее напротив. В комнате был полумрак, поэтому Андрей не смог как следует рассмотреть лица собеседницы. Между креслами стоял журнальный столик. На полу повсюду лежали скрученные холсты, а на мольберте находилась недописанная картина – геометрические фигуры яркими красками. Мебель простая, далеко не новая. Пока Кораблёв говорил, Серафима внимательно его слушала, качая тапочкой на ноге.

– Занятно, – вымолвила она, когда Андрей закончил.

– Можете ли вы мне чем-нибудь помочь?

– Надо подумать, – Серафима дотянулась до сигарет и закурила. На вид ей было лет двадцать с небольшим. – Бабушка рассказывала о прадеде и прабабушке, сохранились даже кое-какие вещи.

– Она воспитывалась в детском доме?

– Нет, она была второй по старшинству и в 1917 году уже достаточно взрослой. Вскоре удачно вышла замуж за советского служащего, поэтому её жизнь сложилась сравнительно благополучно.

– Можно посмотреть вещи?

– Я подумаю. Ко мне уже приходил какой-то Эдуард. Тоже всё выпрашивал, дом хотел отсудить. А вы, правда, историк? – Серафима взглянула на Кораблёва немного насмешливо.

– Я историк, но скрывать не стану – когда работал в архиве, то наткнулся на письмо вашей прабабушки, в котором есть намёк на то, что не все сокровища достались диктатуре пролетариата. И я хотел бы их найти, если они, конечно, существуют. Они, по праву, ваши. Но если будем искать вместе, то я рассчитываю на часть. Плюс научный интерес.

– Откровенно. – Серафима затушила сигарету и встала, давая понять, что разговор окончен. – Я подумаю, Андрей Павлович. А если надумаю, то позвоню.

Следующую неделю Кораблёв ждал звонка от Серафимы и улаживал свои дела на кафедре. Договорился с новым научным руководителем, доцентом Деревянко Максим Максимычем, который сам подошёл к Андрею и предложил своё кураторство. Был Максим Максимович тихий, архивный человек, по характеру спокойный и особо аспирантов своими идеями не обременяющий.

Серафима позвонила через три дня и предложила встретиться в летнем кафе. Она пришла в сопровождении высокого атлетически сложенного парня, примерно одного возраста с Андреем, который представился Костей.

– Вот, Костя, Андрей Павлович предлагает нам поискать сокровища! – начала Серафима, когда они заказали пиво и орешки.

– Лучше просто Андрей, – вставил Кораблёв.

– Твоих предков? – спросил Костик. – Не верю я в это.

– Шансов, конечно, мало. Но, думаю, стоит попробовать! – заметил Андрей.

– Я тоже так думаю, – Серафима закурила. – Как мы разделим то, что найдём?

– Тебе пятьдесят процентов, и нам с Андреем по двадцать пять – предложил Костик. – Думаю, справедливо.

– Тогда решили. То, что осталось от прабабушки, я тебе покажу, заходи. Письма и записи – сначала прочитаю сама, там может быть много личного.

– Договорились.

Они заказали ещё пива и отметили начало совместного предприятия.

* * *

От предков Серафиме досталось несколько картин, старинный набор для рукоделия, две фотографии, несколько писем, три книги, набор для набивания папирос, трость с набалдашником из слоновой кости и тетрадь с записями. На одной фотографии запечатлены князь и княгиня в подвенечном платье, другая групповая. На картинах изображены усадьба и крестный ход. Книги оказались по химии и физике.

Уже несколько дней Кораблёв изучал тетрадь, сравнивал даты и имена с уже найденными данными. Но эти записи содержали сведения о взрослении детей, их болезнях, наборе массы тела и роста и некоторые другие бытовые подробности. Серафима разрешила посмотреть и письма, но Андрей отказался. В них, по словам девушки, не было ничего исторического или указывающего на сокровища, а копаться в личной переписке больше не хотелось. Среди бумаг нашёлся, правда, список изъятых у князя ценностей.

– Серафима, ты сама ездила в усадьбу?

– Когда мне было лет семь, то мама с папой возили меня туда, но я, признаться, почти ничего не помню. Родители были геологами, постоянно уезжали в экспедиции. В одной из них и погибли. Это случилось десять лет назад.

– Прости, я не знал.

– Ничего, я смирилась. – Глаза Симы увлажнились. – Помню, я с ними по городу гуляла, наш бывший особняк смотрела. Он тогда ещё цел-невредим был. Все мне говорили, что вот это нашим предкам принадлежало, а я спрашивала, почему же мы здесь не живём, в таком красивом доме? Я и рисовать начала этот дом, потому что мне хотелось жить там. А когда, став постарше, входила внутрь его, то видела спящих из комнаты в комнату людей с бумажками. Потом и вовсе охранника посадили, который пускал только по пропуску.

Часть 2

– Что, батенька, рыбка-то ловится в Белой? – спросил у князя невысокий крепкий молодой господин, Владимир Сальянов, его знакомый ещё по университету.

– А то, как же? – улыбнулся князь. – Не желаешь ли завтра на рыбалку?

– С удовольствием, – потёр ладони Сальянов. – А сегодня в шахматки?

– Договорились, – Фёдор Петрович встал и сделал пригласительный жест в сторону дорогого, сделанного из дуба, резного шахматного стола. Клетки на нём были слоновой кости. Фигуры также слоновой кости, с серебряной отделкой.

– Богато живёшь! – без зависти прокомментировал Сальянов, усаживаясь напротив князя.

– Это ещё прадеда.

– А книжки по шахматной теории есть?

– Есть.

– Дашь почитать?

– Ни за что! – старые приятели рассмеялись, чокнулись анисовой водочкой и закусили её солёным груздём.

Сальянов – редкий гость в усадьбе князя. Это чуть ли не второй его визит сюда. Однажды на летних каникулах он прожил здесь неделю. Потом Владимир связался с марксистами, и за участие в подпольной деятельности и антиправительственную агитацию был исключён из университета. И вот теперь, по прошествии семи лет, чуть располневший, он вновь предстал перед князем.

Они играли уже часа три. Два раза победил князь, два раза Сальянов, а последнюю партию они закончили вничью.

– Как и в студенчестве, счёт равный! – чуть ословевший от водки и сытной закуски, Владимир поднялся.

– Да, пойдём, покажу тебе парк.

Они вышли из дома и медленно зашагали по аллее.

– Ты в университете восстановился? – Фёдор Петрович раскурил трубку.

– Нет. Пришлось сдавать экзамены экстерном.

– Чем занимаешься? Учительствуешь, или в политику пошёл?

– У нас своя партия, социал-демократическая! Сейчас в подполье.

Сальянов испытующе посмотрел на студенческого друга. Князь взгляд выдержал, нахмурился.

– Так ты ко мне схорониться приехал?

– Да, за мною следят.

– Ты у меня в гостях не как революционер Сальянов, а как студенческий товарищ. Но и путаться в твоих делах я не намерен.

– Вот за что я тебя уважаю, так это за честность. – Они некоторое время шли молча. – А хочешь с нами? – неожиданно предложил Владимир.

– Делать революцию?

– Да.

– Не хочу.

– Тебя устраивает твоё положение? Понимаю, живёшь богато, делаешь, что хочешь, прислуга...

– Так и ты не бедствовал никогда. Что тебя потянуло идти против власти? Да и сейчас, прекратишь агитировать и займёшься легальным делом – тебя ведь простят!

– Мне не нужно их прощение! Я борюсь за народное счастье.

– А народ хочет твоего счастья?

– Народ живёт в нищете, в болезнях, неграмотен, унижаем. Правят им зажавшиеся аристократы.

– И что же из этого следует?

– Надо кардинально менять ситуацию, делать всеобщее образование, здравоохранение. И всё это бесплатно. Надо дать возможность детям рабочих и крестьян учиться, тогда и страна наша превратится из отсталой в передовую.

– Но зачем для этого совершать революцию? Все эти процессы могут происходить постепенно. А в вопросах власти, думаю, надо основательно разобраться нам самим. Власть от Бога, и нарушать этот порядок, значит, идти против Бога.

– Я так и знал, что ты всё сведёшь к этому! А вот если Бога нет, и всё это поповские сказки?

- Володя, ты что, в Бога не веришь?
- Не хочу сейчас об этом. Тебе самому нравится, что в стране происходит?
- Что-то нравится, а что-то нет.
- Поэтому ты так и будешь сидеть в своём удобном доме и ничего не делать?
- Почему же?! Мы с отцом Сергием и другими священниками и помещиками детишек грамоте учим, школу планируем построить, больницу.
- Эх, ладно, Федя! Жаль, что не хочешь нам помочь. В усадьбе твоей типографию бы разместить.
- Нет, Володя, уволь меня от этого!
- Ну, как знаешь, как знаешь.

Сальянов пробыл у князя ещё несколько дней. Представлен он был только супруге. Жил тихо в комнате для гостей, всё что-то писал. Раз пришёл к нему какой-то нездешний мужчина, по виду городской рабочий, передал записку. После этого Сальянов спешно собрался и исчез.

* * *

Кораблёв созвонился со смотрителем и в конце недели он, Серафима и Костик поехали в Чистые пруды. Смотритель, встречая их, оделся в парадный велюровый пиджак. Он поцеловал Серафиму ручку и поминутно называл девушку княжной или барыней. Потом повёл гостей смотреть дом, где им предстояло жить. Дом был ещё крепкий. Крыша крыта дранкой, посеревшей от времени в тон бревенчатым стенам.

Костик подрулил свою новую «Ниву» к крыльцу и, тяжело вздохнув, начал выгружать вещи из багажника. Вместе с Андреем перенесли в сени надувную лодку и рюкзаки, а Серафима отправилась обследовать огород. Костик несколько раз выходил посмотреть, цела ли его машина. Наконец он обнаружил, что хлев как нельзя лучше подходит под гараж, загнал туда железного коня и успокоился.

Андрей, согнувшись под низкой притолокой, вошёл в комнату. Слева недавно побелённая русская печь, занимавшая почти половину комнаты. За ней – кухонька, отгороженная вылинявшей занавесочкой. Алюминиевая и деревянная посуда на полке. Крашенный шкафчик для соли, сахара, хлеба. Стол с изрезанной столешницей, выскобленной до белизны. В углу ближе к двери – металлическая кровать с никелированными набалдашниками на спинках и с горой подушек на перине. Вдоль стен несколько лавок и большой стол посреди комнаты. Над ним простенький абажур. Большинство предметов мебели самодельные, деревянные. Потолок и пол сделаны из широченных струганных досок. Всё чистенько. В углу под потолком на треугольной полочке – иконы и лампадка. Андрей долго и с интересом рассматривал иконы, пытаясь прочесть имена святых. Спасителя и Богородицу он узнал. Захотелось перекреститься, но тут вошли Серафима и Костик, и он постеснялся сделать это.

- Водички бы принести, – осматриваясь по сторонам, попросила Серафима.
- Сейчас схожу, – без особого энтузиазма Костик взял стоявшие на табуретках ведра и поплёлся к колодцу, который они видели метрах в ста от дома.
- Только ведра как следует ополосни, – вдогонку ему крикнула Серафима.
- Как тебе? – спросил Андрей у девушки, обведя рукой помещение.
- Давно хотела пожить в такой лачуге, поближе к природе. По-моему, вполне терпимое жилище! – Серафима обошла комнату, внимательно осмотрев посуду и прочую утварь. Самое большое внимание она уделила печке. – Значит так, – констатировала она, – Я буду спать на кровати, а вы с Костином на печке или на полу. Вон перин сколько, положите их на пол, не простудитесь.
- Нет проблем.

– Только печку я топить не умею, и никогда в ней не готовила. Говорят, это особое искусство, – Серафима взяла худой смуглой рукой ухват и попыталась поправить им стоящий на плите чугунок. Ухват оказался слишком тяжёлым и девушка, опрокинув чугунок, чуть не отбила себе ногу. – Я же говорила, – рассмеялась она.

Вернулся Костик. На лице его было написано неподдельное недоумение.

– Представляете, стал я споласкивать ведро, а мне какой-то полупьяный мужик говорит, что нечего воду просто так лить. И матом меня покрыл.

– Правильно, деревенские воду экономят, – просветила его Серафима. – Хорошо ещё, что он тебе не навалил!

– Дикие люди, – возмутился Костик, – воды из колодца жалко!

– Ладно, давайте вещи разложим.

Свой рюкзак Андрей закинул на печку, решив, что это самое удобное место для ночлега. Серафима стала перемывать тарелки, а Костик принялся протирать влажной тряпкой все попадающиеся ему предметы. Андрей растопил печь и поставил чайник. В сенях нашли стулья и табурет. Компания удобно устроилась за круглым столом под стареньким абажуром. Костик принёс бутылку водки и простецкие стопки, которые нашёл в кухонном шкафчике.

– С чего начнём поиски? – Серафима наравне с парнями без лишнего кокетства выпила свою порцию и, облокотившись спиной на костиково плечо, вытянула ноги вдоль лавки. Костик просветлел лицом.

– Я думаю, надо очень внимательно осмотреть дом, особенно подвал. Затем постройки, пруд. Поговорим со смотрителем, чтоб показал невыставленные экспонаты. – Предложил Кораблёв.

– И чтобы рассказал об односельчанах, кто из них тут потомки работавших в усадьбе. – Добавила Серафима.

Перед сном Кораблёв решил прогуляться. Он пошёл по тропинке между бабкиной и соседней изгородями по направлению к большой дороге.

– Здравствуй, касатик! – послышалось из-за соседней изгороди.

– Здравствуйте, – остановился, разглядывая невысокую кряжистую старушку, Андрей. Она стояла над грядкой, вытирая с коричневого морщинистого лба пот, отдыхала от прополки.

– К Устинье покойной, что ль, приехал?

– Да, – Андрей догадался, что так звали бабульку, в доме которой они поселились.

– Внучок ейный пропащий? – продолжала допытываться соседка. – Или дом покупаете?

– Что-то вроде того, – кивнул Андрей, – осматриваем пока.

– Это правильно, – улыбнулась соседка, – А меня баба Нюра зовут. Места у нас воздушные, полезные. Ты вот на речку сходи. Вниз спустишься, пройдёшь немного и увидишь... А молочка-то надо? – спохватилась бабка.

– Коровьего?

– Хошь коровьего, хошь козьего!

– Лучше коровьего, если вам не сложно.

– Через часок приходи, я тебе на крыльцо выставлю. Только в следующий раз свою банку приноси.

– Сколько за молоко оставить?

– Договоримся.

– Спасибо!

Андрей побрёл по указанному бабой Нюрой пути и вскоре дошёл до речки, которую при большом желании можно было и перепрыгнуть. По берегам ольха да вросшие в землю

бани. Андрей присел на мосток для полоскания белья. «Пора бросать курить», – подумал он, доставая пачку. Снова в его воображении возник мучавший его образ.

Она села рядом, задумчиво опустила глаза, подпёрла подбородок кулачком и затаилась. На Кате было уже не платье, а вытертые джинсы и кроссовки на босу ногу. Они ездили тогда за город и сидели вместе у похжей речки. Андрей обнял её за плечи, посадил к себе на колени и как в омуте утонул в огромных глазах. Катерина знала свою власть над ним, а Кораблёву было всё равно, лишь бы обнимать эти хрупкие плечи. – «Вот наваждение! И как мне от этого избавиться?!».

Андрей решительно встал и пошёл обратно. По пути он взял приготовленную соседкой банку молока и деликатно постучался в дверь комнаты.

– Входи.

– Пейте, дети, молоко, будете здоровы! – Кораблёв поставил банку на стол.

– Ух, ты! – Серафима, завернувшись в одеяло, слезла с кровати, босиком подошла к столу, налила себе молока и жадно выпила.

Костик, по пояс голый, лежал на перине на полу, заложив руки за голову. Андрей ещё раз оценил его мощную мускулатуру.

Потом они вышли с Серафимой покурить, и залюбовались звёздным небом. В городе такого не увидишь, а здесь звёзды яркие, чёткие, висят низко. Из душ кладоискателей поне-много уходила городская суэта и вселялась надежда, что задуманное предприятие не такое уж и безнадёжное.

* * *

Кораблёв проснулся последним. Когда слез с печки, то увидел делающего зарядку Костика. Сима в длинной тельняшке вместо платья сидела за столом и пила молоко с хлебом и сахаром. Она сказала Андрею, что так её научила баба Нюра, которая, решив пообщаться и познакомиться с остальными приезжими, сама пришла к ним с банкой свежего молока.

После завтрака отправились в усадьбу. Пока шли по центральной улице, то постоянно ловили на себе заинтересованные взгляды местных жителей. В деревне вообще появление новых людей никогда не остаётся незамеченным. Тем более, когда одна из них идёт в расписанной всеми цветами радуги бандане и, в прямом смысле слова, без штанов, второй несёт на плече непонятный предмет (мольберт) и опирается об асфальт треножником с хищно заточенными концами, а из ушей у него торчат провода (от плеера). Некоторые бабушки даже крестились. Кораблёв замыкал шествие, размышляя, что сказать Анисию Самюэлевичу, чтобы тот разрешил им немного похозяйничать в усадьбе без его гостеприимного присутствия.

В усадьбе никого не было, кроме смотрителя, который вышел к ним как сказочный гном, и в лучах утреннего солнца смотрелся очень живописно. Даже совсем ненужная тросточка в его пухлой руке выглядела как-то по-доброму. Серафиме даже захотелось его нарисовать. Анисий Самюэлевич провёл гостей в свой кабинетик и поставил чайник. Он всё суетился вокруг Серафимы и старался усадить её на самое удобное место. Наконец, Сима сообразила, что пора оставить Андрея наедине с Бенеславским, и, спросив у смотрителя разрешения порисовать в парке, удалилась.

– Анисий Самюэлевич, а я вам книжку привёз! – сказал Кораблёв, когда они остались одни. – Вот, пожалуйста, – и Андрей достал из рюкзака два тома прекрасно изданного труда по геральдике.

– Вот замечательно, вот удружил! – Бенеславский бережно взял книжки, положил их на стол и погладил ладонью. – Чем мне вас отблагодарить, Андрей?

– Ну что вы!

– Нет, нет, я у вас в долгу!

– Анисий Самюэлевич, а удобно будет попросить, чтобы вы разрешили Серафиме более подробно осмотреть усадьбу. Может быть, осмотреть те вещи, которые не выставлены, просто побродить по дому. Она человек творческий, для неё очень много значит проникнуться атмосферой предков, побыть наедине с их памятью.

– Понимаю, понимаю, – закивал Бенеславский.

– Так можно?

– Конечно, пусть приходит в любое время! Я вам ключ оставляю.

– Нет, нет. Неудобно!

– Полноте. Интеллигентный человек всегда поймёт интеллигентного человека. Ведь правда?! А вам я настоятельно рекомендую посмотреть документы моего архива. Я немного рассказывал о них в прошлый раз.

– Вы к нам очень добры, Анисий Самюэлевич!

– Я рад, что встретил таких симпатичных, интересующихся стариной молодых людей. И конечно, уже не надеялся увидеть прямого потомка князя. Так что, если бы не вы... Знаете ли, когда мечтаешь об этом всю жизнь, и вдруг это случается, то поневоле расчувствуешься. Так что, давая вам ключ, я, конечно, нарушаю правила. Но я думаю, что делаю для памяти князя, да и для науки в вашем, Андрей, лице несравненно больше. Если князь и княгиня видят сейчас нас, то они, думаю, одобряют мой поступок!

– Мы постараемся не злоупотреблять вашим гостеприимством!

– Нет, нет, не спешите! Спешка всегда вредит. Только у меня одна просьба. Не афишируйте своё присутствие. Работайте, когда нет посетителей, если это не очень затруднительно, конечно!

– Так даже лучше. Спасибо вам огромное, Анисий Самюэлевич!

– Всегда рад служить! – Смотритель передал Кораблёву связку ключей на кожаном шнурочке, а сам, прижав к груди подаренные книги, почти побежал их изучать.

Андрей вышел в парк в приподнятом настроении. Пока всё складывалось наилучшим образом. Оглядевшись по сторонам, он обнаружил, что серафимин мольберт стоит около пруда, но её с Костиком рядом нет. Андрей подошёл к мольберту и увидел на нём картон с наброском барского дома. Вдруг он почувствовал на своей шее брызги воды и, обернувшись, увидел только что искупавшихся Серафиму и Костика.

– Ну, как? – спросила Серафима.

– Разговор со зрителем окончился как нельзя лучше! Он разрешил работать в доме и в парке, когда нам вздумается, и даже дал для этого ключи. Только просил соблюдать конспирацию, потому что за это его могут снять с должности.

– А мы что, не соблюдаем?

– Если будете устраивать из музея пляж, то мы поставим старика.

– Искупаться что ли нельзя? – Костик взглянул на девушку.

– Давайте купаться в реке и вести себя как можно тише! – Андрею было не до шуток. Смотритель отнёсся к ним хорошо, и вредить этому человеку совсем не хотелось.

– А ты чего раскомандовался?! – Костик угрожающе посмотрел на Андрея.

– Он прав, – вмешалась Сима, – мы повели себя как идиоты. Этого больше не повторится, Андрей! Как тебе удалось так легко уговорить Бенеславского? – спросила она, надевая свою тельняшку.

– Он всё повторял: «княжна, княжна». Старик видит в тебе потомка князя, человека, вокруг судьбы которого закручена вся его жизнь. Да ещё молодая, красивая девушка!

– Спасибо! – Серафима улыбнулась.

– Поосторожнее, приятель! – Костик был недоволен, что его девушке сделали комплимент.

Но тут не выдержала Серафима. Она, как профессиональный руководитель, отвела Костика в сторону и сделала ему выволочку. Причём со стороны было заметно, как Костик, стоя сначала гордо подняв голову и что-то возражая, к концу Серафиминого монолога совсем сдулся, как проколотый мяч, опустил плечи и от этого даже стал ниже ростом.

Когда шли домой, Костик плелся позади, избегая вступать в разговор.

После обеда Серафима и Андрей вновь вернулись в усадьбу. В старом господском доме сейчас не было ни души, и если абстрагироваться от казённых табличек, стеклянных стендов, то можно было мысленно представить, что сейчас вон по той винтовой лестнице спустится князь и спросит: «Что вам угодно, господа?», а в гостиной княгиня готовится принимать семью соседа помещика... «Неплохо было бы найти план дома, – подумал Андрей, – тот, старый, дореволюционный, чтобы проверить, перестраивалась усадьба или нет». В слух же произнес:

– Твой прадед, если и оставил подарок потомкам, то спрятал его в каком-нибудь тайнике, устроенном ещё при строительстве усадьбы.

– Ты имеешь в виду секретную комнату, или двойную стену, или тайник в полу?

– Что-то в этом роде.

– Но его могли обнаружить при обыске!

– Так ведь не обнаружили. По крайней мере, в документах об этом ничего не говорится!

– Дай я сначала обойду дом и спокойно посмотрю, что он из себя представляет. Родовое имя, как-никак, – пошутила Серафима.

– Не смею мешать, княжна! – Андрей почтительно склонил голову.

И они принялись обходить комнату за комнатой, начав со второго этажа, где располагался кабинет князя, его спальня, спальня княгини и детские комнаты.

Андрей и Серафима провозились до позднего вечера, но ничего не нашли.

– В письме прабабушка рассказывала, как они жили в комнате прислуги, – вспомнила Серафима по дороге домой.

– Да.

– Значит, завтра мы для порядка обойдём первый этаж и примемся за дворовые постройки!

Добравшись до дома, они отдали должное прекрасному ужину, приготовленному Костиком. Потом, оставив Серафиму и Костика наедине, Андрей вышел прогуляться. Пройдя несколько домов, на скамейке около одного из них заметил мужчину в телогрейке. Рядом со скамейкой располагалась колонка, и Андрей подошёл, чтобы напиться.

– Здравствуйте, – перед тем как припасть к струе ледяной воды, поздоровался он с местным жителем. Андрей с детства знал, что в деревне принято со всеми здороваться первым.

– Здорово! – отвечивал абориген. – Закурить не будет?

– Пожалуйста! – Кораблёв присел рядом и протянул пачку сигарет.

Мужичок не спеша достал сигарету, размял её толстыми пальцами с хронически чёрными от земли ногтями, и, прикрывшись ладонью от ветра, вдумчиво прикурил. Голова его была всклокочена, как в современной молодёжной стрижке «ирокез», только волосы торчали так от природы, без участия расчёски. От мужчины шёл легкий запах алкоголя и чего-то кисловатого. На ногах – резиновые сапоги, в них заправлены спортивные брюки «Адидас», почти новые.

– Городской? К кому приехал то?

– Да вот Бенесла...

– А, Бень? Понятно. Он дачников любит. Ты кто будешь?

– Зовут Андреем. Историк. – Кораблёв немного насторожился.

– Я пастух, Ананий, – протянул руку новый знакомый.

– Очень приятно! – а про себя подумал – «ну и имечко».

– Мне тоже приятно, – серьёзно ответил Ананий, – скажи мне, Андрюха, кто был за Анной Иоановной? Елисавета аль Екатерина?

– Это ты русских императриц имеешь в виду? – изумился Кораблёв.

– Дак, а кого же? – спокойно ответствовал Ананий. – Я сейчас про них читаю. Только вот память иногда подводит.

– Так, так, дай вспомнить... За ней был Иоанн VI Антонович, а потом уж и Елизавета.

– Чтой-то я не помню такого Антоновича.

– И не мудрено! Он маленький был, только родился – его сразу на престол. Но через год свергли и в Шлиссельбургскую крепость заточили.

– Эх, бедняга! Так-то вот, не всегда царём хорошо быть...

– Ну, я пойду, – попрощался Андрей.

– Ты это, заходи, чего надо будет.

– Спасибо!

Кораблёв направился дальше. «Надо же, – думал он, – какие нынче любознательные пастухи пошли. А ведь я насилу вспомнил, кто за кем из царей идёт, хотя изучал».

* * *

В одном из подвальных помещений князь оборудовал себе небольшую лабораторию. Он сделал вытяжку, специальные ящички для кислот и щёлочей. Привёз из города несколько спиртовок, колбы для перегонки, водяные холодильники и термометры, – все необходимые вещи, чтобы ставить опыты. Фёдор Петрович был дипломированным химиком, закончил Казанский университет. Учился он неплохо, но химия никогда не занимала полностью его сознание. Он любил и литературу, и историю, поэтому не остался на кафедре университета, а предпочёл заниматься делами своей усадьбы, следить, как ведётся хозяйство. Тишина и размеренность деревенской жизни как нельзя лучше способствовали уединению с книгой, или недельку-другую поработать над какой-нибудь химической реакцией, поставить эксперимент, а потом обменяться данными с коллегами. В делах по управлению усадьбой князю помогал Лука Фокич, образованный крестьянин, сообразительный, хваткий, непьющий и относительно честный. Князь знал, что управляющий берёт немного сверх оговоренного, но Фёдор Петрович надеялся со временем добиться, чтобы управляющий сам понял – князю всё известно и нужно повиниться. Вообще Фёдор Петрович и сам держал контроль над своим хозяйством, поэтому оно давало стабильный доход. Князь придерживался того нехитрого принципа, что коли Бог ссудил ему родиться помещиком и дал определённое богатство и знатность, так и надо этот талант использовать по-Евангельски, то есть приумножать. А приумножение он видел в том, чтоб честно жить, стараться сделать жизнь крестьян лучше, обращаться с ними по справедливости, образовывать их. А иначе для чего он сам получил образование и воспитание?! В своих кругах он слыл немного чудачком, но лишь немного. Да и то в основном среди тех, кто столоверчением занимался и к месту и не к месту по-французски изъяснялся. Многие серьёзные люди с князем знакомство водили, и даже советовались. Поддержку всегда находил князь и в своей супруге. Елизавета, создание с виду хрупкое и утончённое, внутри была характера нешуточного. Хорошей фамилии, унаследовавшая также приличное состояние, мужа своего любила искренне. Конечно, князю приходилось вывозить её в свет и за границу. Но делал он это с удовольствием. Посещение новых мест было ему интересно. Возвратившись к себе в усадьбу он всегда недельку-другую приходил в себя, размышляя над увиденным.

* * *

На следующий день Анисий Самюэлевич открыл им хранилище с невыставленными экспонатами. Хранилище занимало две подвальные комнаты. Здесь были собраны мебель, несколько картин, немного одежды, в основном крестьянской. В шкафу лежали пачка почти испорченных временем и небрежным обращением фотографий, несколько икон и папки с бумагами. В общем, вещей оказалось немного. Серафима принялась за фотографии, а Андрей занялся папками. В них нашёлся подробный инженерный план усадьбы, по которому её строили до революции. В остальных папках лежали перечни экспонатов, строительные сметы, какие то квитанции, старые книги отзывов. Серафима, закончив с фотографиями, отправилась осматривать дворовые постройки. Кораблёв под вечер обнаружил ещё один чертёж, явно не относящийся к усадьбе. Это был проект церкви. На этом работа с бумагами была закончена.

Когда Серафима с Андреем вышли за ворота усадьбы, их уже ждал Костик. В дом идти не хотелось. Погода стояла прекрасная, и они отправились на берег речки, там уселись на подмостках для полоскания белья и стали обсуждать своё предприятие. Из всего получалось, что единственной стоящей находкой, которая как-то могла приблизить их к поиску сокровищ, оказался план усадьбы. Если промерить все расстояния и сравнить их с нанесёнными на чертеже, то можно будет найти несоответствия и попытаться обнаружить тайник. Этим займутся Костик с Серафимой. Андрей будет опрашивать местных жителей.

Работа по измерению усадьбы оказалась занятием очень хлопотным. Во-первых, нужно было перевести все единицы измерения с дюймов в сантиметры. Во-вторых, сами измерения территории усадьбы, всех закоулков и построек были делом нудным и долгим. Причём необходимо было вычислить очень небольшие отклонения, для чего требовалась точность. В общем, работы Серафиме и Костику хватало. Андрей же начал с того, что поинтересовался у Бенеславского, где могут жить потомки прислуги Бельского. Анисий Самюэлевич назвал ему два дома в Чистых Прудах и один в соседней деревне Лыково.

— У нас, в Прудах местных дворов пятьдесят. Остальные дачники скупили. А в Лыкове — там двора три местных, домов десять заняты дачниками, остальные — опустевшие, брошенные. Жители деревень кто в леспромхозе работает, кто в магазине, кто в сельской администрации. Сейчас магазинов пооткрывали достаточно, растёт торговля. К нам со всех окрестных деревень как в центр съезжаются за покупками. Как было при барине, так и теперь — наша усадьба центральная. Остальные деревни, можно сказать, умирающие. Не хочет народ, за редким исключением, здесь оставаться. Правда есть некоторые чудаки, которые к нам из города приезжают и остаются...

— Что за чудаки?

— Да погуляй, увидишь. Может быть, и не чудаки они вовсе, просто необычно, чтоб из города в деревню переезжали.

Для того, чтобы встретиться и поговорить с людьми, подсказанными Бенеславским, у Кораблева ушло два дня. День он потратил на то, чтобы обойти Чистые Пруды. Дачников действительно было много, они обустроивали купленные дома. Кто побогаче, возводили каменные пристройки, или совсем сносили дом и выстраивали новый. Иногда размеры этого сооружения не сильно уступали барской усадьбе. Кто победнее — вычищали за прежними хозяевами жилище, перепахивали огородик и отпаивали детей молоком. На некоторых домах виднелись спутниковые антенны.

Бабушка Лукерья оказалась внучкой повариhi князя. Она угостила Андрея квасом и долго пыталась понять, чего же он от неё хочет. Пришлось раз пять в самое ухо прокричать ей причину своего визита. Лишь тогда бабушка уразумела суть и прослезилась. Ей было лет

восемьдесят. Вся сгорбленная, ходила она, опираясь на две палочки. На подоле – цветастая заплата. Говорила на удивление чётко и разумно. Рассказала про то, что её бабушку чуть не сослали в лагерь, за то, что работала у князя. Но так как она действительно отлично готовила, её помиловали и даже оставили на прежней должности готовить еду для руководителей коммуны. Про князя и его семью она много рассказывала, – что были хорошие, к прислуге относились уважительно. А вот вещей или бумаг – ничего потомкам не просили передать. Только вот ложка серебряная сохранилась от столового прибора. Её бабушка под страхом смерти для потомков сохранила. Лукерья принесла ложку и показала Андрею.

Дед Тимофей, правнук конюха барина, оказался моложе Лукерьи лет на двадцать. Был он крепкий, загорелый до черноты и весёлый. Про барина мало что помнил, зато целый час рассказывал про семейную реликвию, которую его дед и отец сохранили тайком от новой власти. Это была полная упряжь барской тройки. Последнее время Тимофей, когда играют свадьбу, запрягает в эту упряжь лошадей и катает молодожёнов. Этим, кстати, и бюджет свой поддерживает. Его и в райцентр приглашают. А как же?! У кого ещё такую упряжь найдёшь?

Второй день Андрей провёл в Лыкове. Идти туда было четыре километра. Дорога асфальтовая только до половины, потом щебёнка. За километр до деревни и вовсе полузаросшая травой грунтовка, как будто кто-то сначала хотел проложить путь цивилизации в эту деревню, а потом махнул рукой. Когда-то Лыково было, по-видимому, большим селом. Многие дома, окна в которых сейчас заколочены досками, выглядели ещё крепкими. Хотя попадались и полуразрушенные. В отличие от Чистых Прудов, где до каждого дома был уложен асфальт, здесь приходилось передвигаться по тропкам. Везде, кроме небольших площадок около жилых домов, буйно росла высокая, давно некошенная трава.

Андрей присел на лавочку. Жарко. Полдень. У кого бы спросить, где здесь живёт Аркадий Сомов?

Надо заметить, что часть деревеньки располагалась на небольшом пригорке, который переходил в более крутой подъём, на вершине которого виднелась полуразрушенная церковь. Андрей решил пойти осмотреть её.

Церковь заросла высоченной травой и кустарником. Крыша местами провалилась. Крестов не было. Кусты росли даже внутри. Кораблёву захотелось перекреститься, и он сделал это. Даже по сторонам не стал оглядываться. Ну и что, что увидят?! Только пришлось вспомнить, как накладывать на себя крестное знамение по-православному. Внутри церкви Андрей пробираться не стал, вернулся в деревню.

Заметив, что над одним из домов из трубы идёт дым, подошёл и постучал в окно. Спросил, где живёт Аркадий Сомов. Узнал, что через дом. Аркадий оказался рыбаком, и Кораблёву пришлось ждать, пока он проверит на реке «морды». Наконец появился хозяин – невысокий, сухощавый, глаза с прищуром, в руках полиэтиленовый пакет. Присев к Андрею, протянул руку, поздоровался. Затем вывалил из пакета сомёнка и пару окуней. Ещё живые рыбы на солнце в зелёной траве смотрелись необычайно красиво.

– Вот что получается, когда из деревни жизнь уходит, – проговорил Сомов, оглядевшись. Потом он терпеливо выслушал Андрея. – Про барина я ничего не знаю. Родитель мой на войне погиб. Деда не помню. Правда мать рассказывала, что на барина работала. Так здесь почти все на него до революции работали.

– Понятно, – без оптимизма проговорил Андрей.

– А нынче вообще всё сельское хозяйство разрушили. Ох, пожалеют потом!

Рыбак пригласил Андрея выпить по стаканчику самогонки, но тот отказался.

Кораблёв пошёл обратно. «А красивая, наверно, раньше была деревня», – подумал он. Андрею почему-то представились аккуратные крестьянские избы, пролётка с барином. Бородатые мужики, весёлые крестьянские дети в сарафанчиках и домотканых штанах. Белоголубая церковь на холме, благовест. Он дошёл до речки, наклонился к воде и вспомнил, что

в детстве, когда его возили к бабушке в деревню, там была похожая речка, и они из неё пили. А сейчас он побоялся пить из этой чужой речки, но посидел около неё немного на корточках, умылся. Пить отправился к колодцу, около которого заметил светловолосую девушку, одетую в спортивный костюм. На ногах у неё были калоши. Девушка как раз поднимала ведро с водой. Андрей помог ей вытащить ведро и попросил плеснуть ему немного в руки. Девушка смутилась.

– Зачем же в ладони, я вам кружку принесу!

– Лучше давайте я вам ведра донесу!

Они пришли к ещё крепкому дому, вошли в калитку, где их встретила белая с рыжим кошка, и прошли в сени. Кораблёв поставил ведра на лавку и присел на ступеньку. Девушка принесла кружку, и он маленькими глотками напился холодной и очень вкусной воды.

– Как вас зовут?

– Ксения.

– Меня Андрей. – Кораблёв сидел, и ему не хотелось уходить. – Вы что, так здесь и живёте?

– А что в этом такого? – девушка посмотрела на него большими, серо-голубыми глазами. Теперь смутился Кораблёв, подумал, что в его вопросе прозвучало некоторое высокомерие, и поспешил исправиться.

– Значит, мне повезло! Я как раз разыскиваю местных жителей, которые могут что-либо рассказать о князьях Бельских. Я историк.

– Извините, меня бабушка ждёт! Может быть ещё воды?

– Нет! Нет! Благодарю! Не буду задерживать. Может быть, к вам можно прийти как-нибудь в другой раз? Когда будет время.

– Может быть.

– Тогда до свидания!

– Всего доброго!

Кораблёв подумал, что надо быть внимательнее в словах, и зашагал в Чистые Пруды.

Костик и Серафима поджидали его с ужином. Свежая молодая картошка, ветчина, зелень, молоко. Наевшись, они стали подводить итоги своих поисков. По всему выходило, что к цели своей они почти не приблизились. Костик и Серафима промеряли почти всю усадьбу. Несоответствий не выявили, но измучились порядком. Технического образования Костика и художественного глазомера Серафимы при этом хватило, чтобы понять, что такие нюансы, как отделение для тайника они выявить не смогут. Во всякие потайные комнаты не верится. Но они, конечно, доделают свою работу до конца. А потом что? Брать лопаты и рыть землю? Или с аквалангом в пруд нырять?

* * *

На завершение работы по обмерам ушло ещё два дня. Правда, Серафима стала чаще отвлекаться на рассматривание вещей своих предков. Она ходила по усадьбе, осматривала комнаты. Один раз, не смотря на нарушение музейных правил, она примерила шляпку и посидела в кресле. Перешагнув через ограждающую ленту, Сима долго вертелась перед прабабушкиным зеркалом, прикладывая к себе поочерёдно несколько платьев. Костик и Андрей, застав её за этим занятием, долго наблюдали, невидимые для Серафимы. Многозначительно переглянувшись, они пожали плечами, улыбнулись друг другу и пошли продолжать упражнения с рулеткой.

Но вот вся усадьба промерена, все вещи осмотрены.

– Что дальше делать будем? – задал интересовавший всех вопрос Костик.

– Не знаю. – Серафима прищурилась на клонившееся к закату солнце.

В это время через калитку в музей-усадьбу протиснулась уже знакомая Андрею фигура со всклокоченной головой и в фирменных спортивных брюках, плохо сочетавшихся с грязноватыми кирзовыми сапогами.

– Вечер добрый! Не помешаю?! – мужик подошёл к скамейке, где сидели ребята, присел на бордюр клумбы, ни мало не смущаясь, что на штанах может остаться след от побелки.

– Ананий, местный пастух! – представил его компаньонам Андрей.

– Очень приятно! – вежливо сказала Серафима. Костик еле заметно кивнув головой.

– И мне приятно, – Ананий закурил. – Зачем вам рулетка? – спросил через некоторое время, увидев лежащий около Костика измерительный инструмент. – Вы же вроде историки? А так получается что-то вроде геодезистов!

– Вы поразительно начитаны, – съязвил Костик, не взирая на предостерегающие взгляды товарищей.

– Чего? – не расслышал Ананий, и, ладонью образовав около уха что-то вроде локатора, нагнулся в сторону Костика.

– Да ничего! – буркнул тот.

– А-а... – пастух был добродушен от природы и не замечал язвительности собеседника. – Знатный барин был, – продолжил он, – любили его крестьяне. Сказывали, частенько по избам ходил, как люди живут интересовался. Кого из детей подкормит, кого приоденет. Кому лекарство принесёт. С мужиками любил поговорить. Не превозносился. Даже совета спрашивал.

– А вы откуда это знаете? – спросила Серафима.

– Старики сказывали. А я с детства историей интересуюсь, мне только дай, что историческое почитать.

– Это точно, – подтвердил Андрей.

– А вот в церковь князь всё в Лыково ездил. Там у него батюшка был в друзьях. Бывало после службы он всё к нему в гости. А тот сюда, к барину в гости наезжал. Здесь у нас тоже была церковь, каменная, с печкой. Но её взорвали большевики. Вместо неё памятник поставили. Наверное, видели, в центре. – Сказав это, Ананий ушёл.

– Странный какой-то – буркнул Костик.

– Давайте съездим в Лыково, – предложила Серафима.

– Андрей же там был. Лучше позагораем, вон погода какая стоит! – Костику явно надоело искать сокровища.

– Я церковь хочу посмотреть.

– Кстати, план какой то церкви я видел, когда просматривал бумаги, – вспомнил Андрей.

– Надо проверить, может быть, это та самая церковь? Придётся тебе, Костик, ещё рулеткой поработать. – Девушка похлопала его по могучей спине.

На следующий день они нашли чертёж, о котором говорил Андрей, и направились в Лыково. Проехали прямо к церкви и остановились на лугу. Костик начал натягивать тент, а Серафима с Андреем решили обойти вокруг храма.

Девушка шла за Андреем, который прокладывал дорогу в зарослях кустарника. Обогнув разрушенный храм, Андрей увидел свою знакомую, которая напоила его водой, и мужчину лет пятидесяти. Они, стоя друг от друга шагах в двадцати, косили траву. Андрей поздоровался.

– Здравствуйте! – почти одновременно ответили девушка и мужчина.

– Решили сенокос устроить?

– Хотим траву около церкви выкосить. И сенокос не мешает, хоть скотины нынче почти нет. – Миротлюбиво ответил мужчина.

– Что, в деревне уже и коров не держат? – спросила Серафима.

– Очень редко. Кому молоко то пить?
– Детям.
– Разве ж будешь для этого корову всю зиму кормить или козу?! А чтоб дачников напоить и двух коз на всю деревню хватит. Да и в магазин всё привозят.
Косцы, устав, присели на свежескошенную траву.
– Вы зачем пожаловали? – спросил мужчина.
– Я историк, изучаю родословную Бельских. Серафима – внушка князя!
– Да ну?! – удивился мужчина. – Меня, кстати, Иван зовут.
– Меня Андрей.
– А пойдёте к машине. У нас и компот есть, и еда! – предложила Серафима.
Костик растянул тент и поджёг в складном мангале угли для шашлыка.

Андрей рассказал, за исключением ненужных подробностей, зачем они приехали в эти края. Иван очень увлёкся его рассказом и то и дело задавал уточняющие вопросы. Ксения же тихонько сидела и молчала. Даже глаза редко поднимала. Костик присел у костра, время от времени вращая шампуры и поправляя угли. Серафима развернула мольберт и принялась рисовать церковь.

Полуденный зной сменился тёплым безветренным вечером. Андрей давно закончил свой рассказ и теперь беседовал с Иваном. Оказалось, что тот всего лишь несколько месяцев назад продал городскую квартиру и переселился сюда на постоянное жительство. По образованию математик, преподавал в вузе. Чем будет заниматься в деревне, ещё не решил. Самое главное – это было уехать от городской суеты. Что деревня прокормит, Иван не сомневался, а бытовые запросы у него самые скромные. Пока же обживает купленный дом, ходит в лес и знакомится с новыми соседями.

Ксения помогла Костику снять куски мяса с шампуров в большую тарелку, и все принялись за еду. Серафима слегка возбуждённая и очень довольная присоединилась к ним. По всей видимости, то, что появилось у неё на холсте, вполне удовлетворяло художницу. Во вместительном багажнике машины оказалась и упаковка пива. Все, кроме Ксении и Костика, открыли по банке, и Андрей провозгласил тост за знакомство.

Домой они вернулись, когда совсем стемнело.

На следующий день встали позже обычного. Завтракали не спеша. Парное молоко на столе уже стало привычным, как и белый хлеб с вареньем к нему. Оставшееся время решили посвятить отдыху. Найти сокровища вряд ли удастся. Ребята поняли это и успокоились. Серафиме захотелось рисовать. Она давно не испытывала такого вдохновения, и упускать момент совсем не собиралась. Поэтому Костик должен был снова везти её в Лыково. Тому эта идея также нравилась. Наконец он мог спокойно позагорать. А ещё Костик заприметил недалеко от церкви петляющую в поле речку, и надеялся поймать там какую-нибудь рыбу. Андрей собирался полистать документы в усадьбе. Может, ещё что-то для диссертации подберёт.

Серафима рисовала, а Костик, убедившись, что его телескопическая удочка шире речки раза в три, решил просто искупаться. Это оказалось также непросто, и он с трудом нашёл место, где ему вода была хотя бы по грудь. Но его настроение удивительным образом поменялось, и всё стало представляться прекрасным. Серафима нашла, наконец, себе занятие и не заставляет его заниматься ерундой. Погода отличная. И воспоминания детства нахлынули. Он вспомнил, как также купался у бабушки в деревне. И рыбу самодельной удочкой ловил. Маленьких окушков, которых потом отдавал кошке. Как бы в подтверждение его дум на берегу возникла белая кошка, но, поняв, что от большого голого человека, распластавшегося от берега до берега ждать нечего, исчезла. «Хорошо!» – Костик вылез на скользкий берег, немного запачкав ноги глиной, и пошёл к машине.

– Симочка, ты пить не хочешь?

– Хочу.

Он отнёс ей бутылку минералки и немного постоял рядом, любуясь, как на холсте вырастает церковь, новая, только что построенная, белая с голубым.

Потом он заметил Ивана, вчерашнего знакомого, присевшего на лавочку около своего дома, и направился к нему. Удачно начавшийся день продолжился ещё более успешно. Иван предложил сыграть в шахматы, на что Костик тут же согласился. Оба оказались любителями этой игры. Иван приехал не один, а с супругой – миловидной, моложавой, круглолицей женщиной. Звали её Валентина. Она часто улыбалась, поправляла рыжеватые волосы и через каждые полчаса подогревала им чайник. Устроившись за самодельным столиком под двумя огромными липами, игроки, кроме чая с бубликами, кушали сало с чёрным хлебом и свежими огурчиками. Потом ещё играли часа четыре. Костик даже не сразу заметил Серафиму, которая встала около него со сложенным мольбертом, наблюдая за их шахматным сражением.

* * *

Завидев издали княжескую коляску, крестьяне положили грабли и встали в рядочек около дороги.

– Низкий поклон вам, ваше сиятельство! – за всех сказал старичок в суконной рубашке, подпоясанный верёвочкой. В его бороде и в волосах было сено, видно он метал стог.

– Кланяемся! – также согнулись в поклоне остальные, в большинстве ещё сильные, молодые женщины, привыкшие к тяжёлому физическому труду, одетые в простые, удобные для работы сарафаны. Были среди них и дети, – два остриженных под горшок подростка и девочка лет семи. У болезненно худой девочки на голове венчик из одуванчиков. Звали её Нюша. Работать девочка не могла, и мать брала её с собой в поле, чтобы она просто подышала воздухом, или сходила в соседний лес за ягодами. Девочка, видя, как все работают, тоже пыталась помочь взрослым, но стоило ей взять грабли в ручёнки, и немного погрести сено, как у неё начинала кружиться голова, и она опускалась без сил. Княгиня вышла из коляски, подошла к девочке.

– Как дела, Нюшенька?

– Плохи мои дела, ваше сиятельство. Бабки говорят, умру скоро.

– Что ты, Нюшенька, – княгиня присела около неё и ласково заглянула ей в лицо. – Мы с князем тебе доктора привезём, он тебя вылечит.

– Правда, привезёте?

– Правда! А пока вот тебе гостинец. – Княгиня вынула из сумки баночку монпасье.

– Благодарствуйте! – девочка поклонилась и протянула княгине букетик из веточек земляники. – А это вам, вы добрая!

– Ах ты, милый, чудесный ребёнок! – прослезилась Ели завета. Она достала из сумочки пятак и дала девочке.

– Благодарствуйте, – снова поклонилась та. – Я теперь на эти деньги свечку куплю и угоднику Николе поставлю, чтоб мне не умереть. И вам, ваше сиятельство, чтоб Бог помог.

Тут девочка побледнела, и подошедшая мать подхватила её на руки.

– Давайте к нам в экипаж, – воскликнул князь.

– Не надо, благодарствуйте, – заспешила в сторону мать. – Обойдётся, обойдётся.

Княжеская чета двинулась дальше.

* * *

Костя и Сима, вернувшись из поездки, обнаружили у дома свежую поленницу, а на столе ужин. Андрей спал на печке. Когда ребята вошли, он проснулся и стал потягиваться.

– Нет слов! – развела руками Серафима.

– Молодец, старик! А то всё мне приходится хозяйничать! – Костик поёжился, так как плечи заметно обгорели.

– Где пропадали? – Андрей спустился с печки, сел за стол.

– С Иваном в шахматы играл. Он, оказывается, женат.

– Я церковь рисовала. А ты?

– Посидел в усадьбе, посмотрел кое-чего. Потом домой пришёл, дровишек наколот.

– На диссертацию то насобирал? – Костик набил рот картошкой и пытался втолкнуть туда ещё солёный огурец.

– Может, и насобирал, – как-то неопределённо ответил Андрей.

Кораблёв и сам всё чаще возвращался мыслями к своей диссертации. Бенеславский помог хорошо. Оказывается, старик мечтал стать учёным, историком, но судьба сложилась так, что всю жизнь просидел в этой усадьбе. Но времени зря не терял и потихоньку своим бисерным почерком делал записи, систематизируя имеющиеся материалы, подбирал историческую литературу. Всё это он собирал в картонную папку с тесёмками, которую теперь передал Андрею, смущаясь и, одновременно, чувствуя глубокое удовлетворение. По привычке в этот ответственный момент он пустил слезу. И теперь у Кораблёва набиралось материала на добротную диссертацию. Оставалось только сесть и написать её. Но почему он не чувствовал полного удовлетворения? Об этом ли мечтал, когда хотел стать историком? Он мечтал об открытиях, сенсациях, зарубежных конференциях. А тут? Очередная работа, которая потом также, как и материалы для неё, ляжет в пыльный архив!

Так рассуждал Андрей, сидя на крыльце. Мимо прошла бурёнка и протяжно промычала. Затем, словно испугавшись чего-то, корова диким полугалопом пронеслась по обочине сквозь кусты репейника. Показалась старушка-хозяйка, резво семенящая за ней с хвостотиной в руке. Корова и хозяйка свернули в калитку. Проехала девушка на велосипеде. На багажнике, упакованные в целлофановый пакет и прижатые жгутом, лежали кирпичики ржаного хлеба. Через руль перекинута авоська. Девушка остановилась поправить свою поклажу. Кораблёв узнал Ксению и окликнул её.

– Привет!

– Привет! – Ксения была одета всё в тот же спортивный костюм, но вместо косынки на голове одета кепка, а на ногах вместо галош – кроссовки.

– Куда это ты столько хлеба накупила?

– У нас не каждый день привозят. Сами едим, корове даём.

– С коровой, поди, хлопот много?

– Хватает.

– Работаете?

– В медицинском институте учусь. А за коровой бабушка ухаживает, она у меня крепкая ещё. Ну, мне пора, – Ксения села на велосипед и покатила дальше.

Кораблёв вернулся в дом. Прошёл по избе. Взгляд его упал на раскиданные Симой вещи и на аккуратно сложенные Костикины брюки. Улыбнулся. Но вот перед ним вновь возник тот полузабытый, но ещё тревожащий его образ. Она присела на ступеньку, перекинула тяжёлые тёмные волосы на одну сторону, закуталась в них как в шарф. Потом исчезла. Андрею вновь стало тоскливо, он почувствовал себя ничтожным человеком, неудачником. Он снова вышел покурить.

Осторожно, озираясь и противно трясая головой, во двор вошли две курицы. Одна белая, другая пеструшка. За ними гордой походкой шёл петух. В его расцветке преобладали жёлтые тона. Курицы бочком-бочком обошли Андрея и поспешно пробежали в огород. Петух угрожающе смотрел на Кораблёва, но приблизиться опасался. Наконец, тоже ушёл. Андрей усмехнулся. Эта простая деревенская картина немного подняла ему настроение.

На следующий день снова поехали в Лыково. Погода на удивление хороша – ни облачка на небе.

Сима после этюда с церковью приступила к портрету Анания, пасущего стадо. Затем хотела написать ещё несколько портретов – Ксении, её бабушки.

Ксения и Серафима незаметно нашли общий язык. Они и сейчас ворковали о чём-то. Сима накладывала краски на картон, а Ксения стояла рядом и смотрела.

Костик нашёл новую забаву. Он кормил пасущихся неподалеку на лугу бурёнок хлебом, и когда те касались его ладони огромными влажными ноздрями, смеялся от удовольствия.

Андрей и Иван расположились за столиком под двумя тенистыми яблонями, пили квас и разговаривали.

– И всё-таки, Иван, как это ты решился?

– Как, как? Так вот и решился!

– Вообще всё продал и уехал? И даже прописку сменил?

– Прописку сменил. Квартиру свою трехкомнатную продал, а дочери двухкомнатную купил. На остальные деньги дом здесь приобрёл. А что? Внуки будут, сюда растить привезёт, на свежий воздух!

– Наверное, сомнений много было?

– Были. Но слишком уж надоели эти пробки, загазованность, стрессы! Это же абсурд, когда в городе днём пешеход быстрее автомобиля движется! И знаешь, – задумчиво сказал Иван, – конечно, не только в пробках дело. Мне уже под пятьдесят, и всю свою жизнь я прожил в городе. Работал в исследовательском институте. Растили дочь, ездили летом на море, ходили в походы. Ну, как многие из нашей, так называемой, советской интеллигенции. У тебя, извиняюсь, кто родители?

– Да тоже из этой, из интеллигенции. Мать – биолог, кандидат наук. А отец – инженер. Был ведущим инженером на оборонном заводе, который даже без названия, один номер. Умер три года назад от инфаркта. Мама пока работает. У неё тема какая-то интересная, медицинская. То ли биодобавки, то ли...

– Царство Небесное батюшке твоему, как звали то?

– Павел Владимирович.

– Упокой Господи душу раба Твоего Павла, прости ему согрешения вольные и невольные и даруй ему Царствие Небесное! – Иван встал и, произнося эти слова, перекрестился и поклонился церкви, которая располагалась от его дома метрах в двухстах.

– Отец мой, думаю, был неверующим. Во всяком случае, в церковь не ходил и про Бога со мною никогда не говорил.

– Я тоже был неверующим, а пять лет назад пошёл и окрестился. Может быть, поэтому сейчас и здесь.

– А что, нельзя быть верующим в городе?

– Конечно, можно. «Где родился, там и сгодился» – гласит русская пословица. Я долго думал перед тем, как решиться на этот шаг.

– Почему же решился?

– Крестился я скорее интуитивно, а не осмысленно, хотя уже в летах и должен был сначала досконально изучить предмет. Но суть я понял. Потом стал читать Евангелие, святых отцов, ходить в храм, и во мне понемногу стал меняться взгляд на происходящее вокруг.

Кораблёв никак не ожидал такого поворота в их разговоре и поэтому слушал собеседника с возрастающим интересом.

– Я задумался над тем, почему люди закатывают землю асфальтом, строят торгово-развлекательные центры, перегораживают реки плотинами, а потом жалуются, что экологическая обстановка ухудшается, что здоровье слабеет. Человечеству не хватает электроэнергии из-за всё возрастающего потребления, но экономить и потреблять меньше никто не хочет. А тем временем реки гибнут, аварии на атомных станциях несут огромные несчастья, хоть и говорят о почти стопроцентной гарантии их безопасности. Или вот недавно в газете прочитал, что фармакологический завод намерен увеличить в несколько раз производство и продажу лекарств. Что, казалось бы, в этом плохого? Люди будут лечиться! Но если заводу нужно будет продать больше лекарств, то, соответственно, его служба по сбыту будет эти лекарства продвигать всеми силами и возможностями современной рекламы. Людей будут убеждать прибегнуть к современным препаратам, действительно часто облегчающим состояние, но не влияющим на причину болезни. То есть лечить следствие, а не причину. И вместо того, чтобы молиться, каяться в грехах, которые чаще всего и есть всему первопричина, люди будут налегать на таблетки. Поедят некачественной пищи, подышат отравленным воздухом, поволнуются – и к таблеткам!

– Насчёт строительства и закатывания в асфальт – строятся не только развлекательные центры, но и стадионы, бассейны, дороги. Тоже плохо?

– Наверное, если в меру, то неплохо. Если подростки плавают, бегают, или на турнике занимаются для здоровья телесного и одновременно волю этим закаляют, то хорошо. А если, для рекордов, то сомнительно. Если боксом заниматься для того, чтобы брату своему нос расквасить половчее, а не чтоб в случае чего Родину защитить, – так плохо.

– Почему ты против развлечений? Пусть ходят на концерты, в кино, покупают в супермаркете еду и одежду.

– Сложно всё это. Тут рассуждение нужно. Я ведь сам джинсы ношу и компьютер использую. В том же торговом центре купил. И машинёшка, какая-никакая, у меня есть, и многие другие удобства. Но в городе я перестал ощущать гармонию и всё больше стал приходить к мысли, что в наше время мир ускоренными темпами катится к катастрофе. Люди сами загоняют себя в ловушку – нравственную, экологическую, техногенную. А сюда всё это докатывается медленнее... Надеюсь.

– А ещё, наверное, повсеместное продвижение экономической теории, основанной на трёх шестёрках?

– И это, конечно.

– Знаешь, Иван, серьёзные ты вещи говоришь. Надо обдумать.

– Помогай Господь!

– Я ведь историк, кое-что из Священного Писания читал. И про последние времена слышал. Сейчас много статей об этом. Ладно, пора мне.

Андрей встал, посмотрел на церковь, перекрестился как Иван, поклонился и пошёл.

* * *

Фёдор и Елизавета сидели в парке на скамье напротив фонтана. Недалеко от них играли дети.

– Сегодня удивительно хороший день, Федя!

– Июль в наших краях, пожалуй, единственный по настоящему летний месяц.

– Да нет, я не о том. Когда мы сегодня стояли на обедне, то у меня было совершенно спокойное состояние. И крестьяне стояли рядом умиротворённые!

– Ты сегодня причастилась, поздравляю!

- Да, но не всегда такое состояние бывает.
- Неужели лучше, чем прошлым годом в Париже? Помню, ты там восторженная ходила!
- Конечно лучше! В Париже, конечно, тоже хорошо, я о нём с гимназических лет мечтала! Спасибо тебе, что вывез!
- Да полно, для любимой жены ничего не жалко!
- Правда?
- Конечно, правда! Ты же знаешь!
- Знаю! Но всегда хочется ещё раз услышать! – они встретились взглядами, и с минуту смотрели друг на друга. Солнце осветило её обычно бледные щёки и нос, покрытый веснушками. Она немного закусила губу, улыбнулась и поправила светлые локоны.
- Я тебя очень люблю, Лиза! Когда увидел в первый раз, сразу и полюбил. Но думал, что такая девушка за меня не пойдёт. А потом решил, что всё равно попробую сделать предложение.
- Вот и попробовал. А я всё мечтала пианисткой быть. Теперь думаю, что тогда не было бы у меня всего этого богатства: любимого мужа, четверых детей, этих вот полей, нашего замечательного дома! Я как представляю, что всего этого могло бы не быть, так мне страшно делается!
- Уж и страшно?
- Да. И ещё мне последнее время тревожно, что всё это могут у меня отнять!
- Кто же, Лиза?
- Не знаю! – она положила голову ему на плечо, сильно сжала руку.

* * *

Сначала Андрей хотел прогуляться до речки, но, немного подумав, подошёл к Серафиме, которая дорисовывала колоритного коричневого быка. Ананий, отхлебнув немного портвейна, пару раз щёлкнул кнутом, чтоб продемонстрировать художнице красоту движений животного. Ксения, когда подошёл Андрей, перестала щебетать с Серафимой. Андрей также ощутил какую-то неловкость. Возникла пауза, на протяжении которой Серафима, улыбаясь, поглядывала то на Андрея, то на Ксению. Наконец, сообщив, что сейчас вернётся, только воды наберёт, убежала к колодцу. Ксения сидела на траве, в руках теребила цветок.

- Тебе не холодно? – наконец спросил Андрей.
- Нет, я привычная. Да и тепло, – Ксения взглянула на него и улыбнулась.
- Сегодня она была в джинсах, белой футболке и сланцах. «По стилю в одежде теперь как Сима, – подумал Кораблёв. – Только косметикой почти не пользуется и постеснительнее».
- Я видел, что у вас забор около сарая сломан. Давай починю?
- Ты умеешь?
- Думаю, справлюсь!
- Благодарю, не надо. Нам его дядя Петя обещал починить, он плотник.
- Жаль.
- Почему жаль? Дядя Петя хороший плотник. – Ксения ещё раз улыбнулась и снова занялась цветком.
- Ксения, может быть, погуляем вечером по округе, места уж больно красивые!
- Вряд ли получится, мне бабушке надо помочь корову подоить, потом ужин готовить.
- Сима тем временем, дойдя до колодца, прыснула от смеха, поцеловала ничего не понявшего Костика, который почерпнул ей ведро воды, протанцевала несколько па, и не спеша возвратилась к мольберту. Андрей, постояв с девушками ещё несколько минут, пошёл купаться. Его немного расстроил отказ девушки. И почему она его вдруг заинтересовала?

* * *

Подошло к концу время их пребывания в деревне. Сегодня день отъезда. Костик заложил вещи в багажник. Пришли Бенеславский, Ананий, Ксения и соседка. Все приглашали их приезжать ещё.

– Как же, как же! Обязательно приезжайте! – плескал руками Анисий Самюэлевич. Только княгиню обрели и нате...

– Непременно, – вторил ему Ананий. – Все условия создадим, никому в обиду не дадим. Дом у Анисия покупайте, своим подешевле отдаст.

– Разбогатеет, может, и купим, – по хозяйски оглядел дом Костик.

– А я зимой присмотрю, – сказала соседка, и узловатыми, натруженными руками подала им завернутое в тряпицу деревенское сало и баночку молока.

Они обнялись и расцеловались на прощанье.

Часть 3

Город встретил Андрея, Серафиму и Костика суетой. Сам воздух, проникавший в открытую форточку машины, заставлял думать об оставленных делах. Отходили на второй план мечты, казавшиеся вполне выполнимыми совсем недавно.

Они остановились, чтобы высадить Андрея, и, посмотрев друг на друга, вдруг рассмеялись.

– Зато я грибов сушёных купил, – сквозь смех сказал Костик, – и шефу мёда сотового везу.

– Извините, что подбил вас на это путешествие, – Кораблёв накинуд на плечи лямки от рюкзака и стоял, держа открытой дверь. Он чувствовал себя немного виноватым.

– Чего извиняться?! – искренне удивилась Серафима. – Мне всё понравилось. Честно.

– Но мы ведь ничего не нашли. Разве что я немного накопал для своей диссертации.

– А то, что я родовое гнездо посмотрела, ты не учиываешь? – Серафима в шутку нахмурилась.

– Знаешь, Андрюха, – помялся Костик, – у меня через две недели день рождения. Приглашаю!

Две недели пролетели быстро. На дне рождения Костика, которому исполнилось двадцать восемь лет, было весело. Небольшая, но благоустроенная квартира в центре, где он жил с родителями, была полна гостями. Отец, Александр Сергеевич Буровцев, оказался профессором консерватории. Мама, Инесса Ивановна, тоже каким-то музыкантом или артисткой, Андрей так и не понял. Они были приветливыми и веселыми людьми. Играли на рояле, пели. Среди приглашенных мелькнули даже несколько лиц, которые Андрей как будто видел на экране телевизора. Женатые друзья именинника работали по части бизнеса. Они интересно поговорили. Одна пара, правда, быстро ушла к недавно родившемуся малышу, который никак не хотел засыпать без мамы.

Сима пришла с подругой по имени Света и тут же познакомила её с Андреем, отрекомендовав его как перспективного неженатого учёного. Света Кораблёва не очень заинтересовала, зато он обратил внимание, как Костикина мама часто шепчется с Симой, и его отец с ней галантен и предупредителен. Сима в простом чёрном платье и в туфлях на высоком каблуке выглядела великолепно. Несколько скромных украшений, чуть косметики, строгая причёска. Неужели это та девушка в тельняшке, с которой они искали клад в деревенской усадьбе?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.